

The background of the poster is a composite image. The upper left portion shows a close-up of a human skull, rendered in a yellowish, aged, and somewhat translucent style. The lower right portion shows a dark, narrow tunnel or hallway with light reflecting off the wet floor, creating a sense of depth and mystery.

**ЧЕЛОВЕК
ПРЕСТУПНЫЙ**
КЛАССИКА
КРИМИНАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ

ЧЕЗАРЕ ЛОМБРОЗО

**ЧЕЛОВЕК
ПРЕСТУПНЫЙ**

Человек преступный. Классика
криминальной психологии

Чезаре Ломброзо

Преступный человек (сборник)

«Алгоритм»

УДК 159.9
ББК 88.37

Ломброзо Ч.

Преступный человек (сборник) / Ч. Ломброзо —
«Алгоритм», — (Человек преступный. Классика
криминальной психологии)

ISBN 978-5-906880-54-3

Что толкает человека на преступление? Играет ли свою роль воспитание или здесь все дело в наследственности? Знаменитый психиатр Чезаре Ломброзо досконально изучил личность преступника и нашел ответы на главные вопросы криминалистики. Согласно Ломброзо, по внешнему виду человека можно определить, обладает ли он преступными наклонностями. На основе выделенных признаков Ломброзо различал между собой следующие типы правонарушителей: убийцы, воры, насильники и жулики. В конце концов психиатр пришел к шокирующему выводу: а не стоит ли наказывать преступников за несовершенные злодеяния? Вашему вниманию предлагается первое в истории исследование темной стороны человеческой природы. Клинические рассказы о пациентах звучат увлекательнее любого современного романа, а спорные выводы ученого дают почву для размышлений.

УДК 159.9
ББК 88.37

ISBN 978-5-906880-54-3

© Ломброзо Ч.
© Алгоритм

Содержание

Человек преступный. Этиология преступления	7
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	18
Глава 4	31
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	49
Глава 8	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Чезаре Ломброзо

Человек преступный

© Переводчики: Г. Гордон, К. Тетюшинова, С. Раппопорт, Н. Житкова, К. Толстой, 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

* * *

Человек преступный. Этиология преступления

Глава 1

Метеорические и климатические влияния. — Времена года. — Месяцы. — Высокие температуры

Всякое преступление имеет в происхождении своем множество причин, и так как причины эти очень часто сливаются одна с другой, то нам нет надобности рассматривать их каждую в отдельности. Мы можем поступить здесь точно так же, как во всех тех случаях, когда нам невозможно выделить одну какую-нибудь причину известных явлений, без того чтобы не затронуть вместе с тем и другие. Каждый знает, что холера, тиф, туберкулез обуславливаются особыми специфическими причинами, но никто не станет, однако, утверждать, что метеорические, гигиенические, индивидуальные и психические причины не имеют никакого влияния на эти болезни. Даже самые ученые наблюдатели остаются иной раз в неведении относительно истинных, специфических причин тех или других явлений.

1. Крайние температуры. Самыми важными причинами всякого биологического явления считаются метеорические, и между ними на первом плане стоит теплота. Так, например, *drosera rotundifolia*, погруженная в воду 43°, сгибается и становится более чувствительной к действию азотистых веществ (*Darwin*, насекомоядные растения), но при очень высокой температуре в 54°4' она не сгибается, щупальца ее как бы парализуются и остаются таковыми, до тех пор пока *drosera* не будет снова погружена в более холодную воду.

Статистика и физиология человека доказывают, что большинство наших отпадений находится в зависимости от теплоты. Понятно отсюда, каково должно быть влияние крайних степеней ее на психику человека.

История не может указать ни на одну такую тропическую страну, где народ не был бы повергнут в рабство и где чрезмерная теплота не была бы причиной перепроизводства, сказывающейся прежде всего в неправильном распределении богатств, а затем политической и общественной власти.

В жарком климате народ играет обыкновенно ничтожную роль в общественной жизни своей страны: он не располагает ни правом контроля, ни правом вмешательства в дела управления.

Бокль объясняет это меньшей сопротивляемостью и стойкостью жителя тропических стран в борьбе за свое существование благодаря его меньшей потребности в топливе, одежде и пище. В силу таких более легких условий существования человек неминуемо становится бездеятельным, инертным. Инертность его и вялость, вызванные чрезмерной теплотой, благоприятствуют физической неподвижности, покойному, созерцательному настроению духа, особому развитию силы воображения, а отсюда — религиозному и деспотическому фанатизму и нравственной испорченности.

В холодных странах жизненная стойкость человека значительно больше благодаря той деятельности, которую он должен развить, для того чтобы добыть себе пищу, одежду и топливо. Но зато здесь сильный холод делает воображение ленивым, а ум — более спокойным, и человек, пополняя недостаток тепла огромным количеством углеводов, заключающихся в его пище, расходует свои силы в ущерб частной и общественной деятельности. В силу этого и благодаря депрессивному влиянию, оказываемому холодом непосредственно на нервные центры, и объясняется замечательное спокойствие и кротость характера жителей полярных стран. Доктор Ринк описывает некоторые эскимосские племена до того миролюбивые, что

на их языке нет даже слов для выражения брани и ругательств: самой большой реакцией на обиду и оскорбления является у них молчание. Лари наблюдал солдат, которых морозы и снега России сделали слабыми и даже трусливыми, между тем как ни опасности, ни полученные раны, ни голод не могли поколебать их мужества.

Бове свидетельствует, что у племени чиуки, живущих под 80° северной широты, совершенно неизвестны ссоры, насилия и преступления.

Прейер, неустрашимый полярный исследователь, рассказывает, что воля его была парализована, чувства притуплены, а речь затруднена, когда он находился под 80° северной широты.

2. Влияние умеренной температуры. Умеренная теплота оказывает наибольшее влияние на происхождение преступлений. Факт этот подтверждается наблюдениями над психологией жителей южных стран и доказывает их непостоянство и преобладание одной личности над обществом и целым государством. Объясняется это, несомненно, с одной стороны, тем, что теплота возбуждает, подобно алкоголю, нервные центры, не делая, однако, человека инертным, а с другой – она уменьшает его нужды путем увеличения производительности земли и ограничения его потребности в пище, одежде и спиртных напитках. На пармском наречии у простонародья солнце недаром называется отцом плохо одетых.

Доде, написавший целый роман («Нума Руместан») с целью изобразить огромное влияние южного климата на наши нравственные наклонности, говорит: «Южанин не любит спиртных напитков; он чувствует себя пьяным от рождения: солнце и воздух есть для него страшный естественный алкоголь, силу которого испытывает на себе всякий, кто родился под южным небом. У одних действие его сказывается только некоторой развязностью речи и жестов, излишней смелостью, наклонностью видеть все в розовом свете и некоторой лживостью; у других оно выражается настоящим безумием, нередко доходящим до полного ослепления. Какой южанин не чувствовал в себе мгновенного упадка сил и крайнего изнеможения после припадка гнева или энтузиазма?».

Нерри Танфуцио замечает, что непостоянство есть одна из отличительных черт характера всякого южного народа. «Их, – говорит он о южанах, – можно было бы принять за наивных людей, но на самом деле они большей частью ловкие плуты; они в одно и то же время трудолюбивы и ленивы, умеренны и невоздержанны; в общем, характер их, разумеется в простом народе, представляется до того разнообразным и изменчивым, что определить его точно невозможно».

«Климат способствует потере стыдливости».

«Южане плодовиты; их нисколько не смущает мысль о будущности их детей».

«Лаццароне ворует только тогда, когда при этом не нужно бежать; он хвастлив и врет в девяти из десяти случаев. Во время ссоры он жестикулирует и кричит, чтобы прогнать свой собственный страх; пускать руки в ход он не любит, но раз дело доходит до этого, он становится ужасным».

«Южанин ревнив и бьет жену, если сомневается в ее верности, он независим и потому не любит больниц и иных убежищ.

Имея работу, он исполняет ее хорошо. Он очень привязан к своей семье, довольствуется малым и ведет трезвый образ жизни».

«Лаццароне по природе своей хитры, трусливы и лживы; вся жизнь их есть ряд мелких обманов и попрошайств. Из-за ничтожной подачки они готовы лизать ваши ноги, не чувствуя при этом никакого унижения.

Они очень суеверны: при встрече с горбатым или слепым они произносят особые заклинания. Все их мысли сводятся к дьяволу, колдовству, ietta-tura¹, к чести, ножу, воровству, нарядам и тому подобное.

Простой народ боится и в то же время уважает ее, зная, что она защищает его и что от нее он может ожидать нечто, похожее на справедливость».

3. Преступления и времена года. Отсюда понятно, какое огромное влияние оказывает теплота на многие преступления. По статистике Герри оказывается, что в Англии и во Франции убийства и изнасилования преобладают в жаркие месяцы. К таким же результатам относительно Италии пришел и Курчо. По его исследованиям:

Из 100 случаев изнасилований	В Англии (1834–1856)	Во Франции (1829–1860)	В Италии (1869)
На январь	5,25	5,29	26 в общ.
На февраль	7,39	5,67	22
На март	7,75	6,39	16
На апрель	9,21	8,98	28
На май	9,24	10,91	29
На июнь	10,75	12,88	29
На июль	10,46	12,95	37
На август	10,52	11,52	35
На сентябрь	10,29	8,77	29
На октябрь	8,18	6,71	14
На ноябрь	5,91	5,16	12
На декабрь	3,08	4,97	15

По исследованиям Герри и Курчо максимум убийств в Англии и Италии наблюдается в течение жарких месяцев, и распределяются они следующим образом:

Месяц	В Англии	В Италии
Июль	1043	307
Июнь	1071	301
Август	928	343
Май	842	288
Февраль	701	254
Март	681	273
Декабрь	605	237

Отравления, по наблюдениям Герри, преобладают в мае. То же самое можно сказать и о политических преступлениях. Рассматривая в своей «Политической преступности» 836

¹ Сглаз, порча (*im.*).

восстаний, имевших место на всем земном шаре с 1791 по 1880 год, я пришел к заключению, что максимум их в Азии и Африке всегда наблюдался в июле (13 из 53).

Что касается Европы, то в ней наибольшее их число приходится также на июль, а в Америке – на январь, каковые месяцы считаются здесь и там самыми теплыми, минимум же восстаний наблюдается в январе и декабре в Европе и в мае и июне в Америке, то есть в наиболее холодные месяцы.

Если мы теперь обратимся, в частности, к отдельным народам Европы, то убедимся, что более всего политических преступлений приходится у каждого из них на наиболее теплые месяцы. Так, в Италии, Испании, Португалии и Франции первое место в этом отношении занимает июль, в Германии, Турции, Англии и Шотландии – август, в Греции, Ирландии, Швеции, Норвегии и Дании – март, в Швейцарии – январь, в Бельгии и Нидерландах – сентябрь, в России и Польше – апрель и, наконец, в Боснии, Герцеговине, Сербии и Болгарии – май. Отсюда видно, что влияние теплых месяцев особенно резко сказывается именно в южных странах.

4. Времена года. Собрав данные о политических преступлениях в Европе в течение 100 лет, мы находим, что по временам года они распределяются следующим образом:

	Испания	Италия	Португалия	Турция	Греция	Франция	Бельгия	Швейцария
Весна	23	27	7	9	16	16	7	6
Лето	38	29	12	11	7	20	8	5
Осень	18	14	4	5	3	15	6	3
Зима	20	18	6	3	3	10	2	10

Отсюда видно, что у 9 народов, а между ними особенно у южных, первое место в этом отношении занимает лето. У 4 других, преимущественно северных, – весна. В одной стране (Австро-Венгрия) первенство принадлежит осени, а в другой (Швейцария) – зиме. За исключением двух случаев, весной всегда бывает больше политических преступлений, чем осенью. Кроме того, мы находим, что в 5 случаях, главным образом в странах наиболее теплых, зима превосходила осень по числу политических преступлений, в 8 случаях – уступала ей и в 3 – была равна.

Что касается Америки, особенно Южной, то, принимая во внимание, что здесь январь соответствует нашему июлю, а февраль – августу (см. выше), мы найдем следующие цифры:

Время года	Америка	Европа
Весна	76	142
Лето	92	167
Осень	54	94
Зима	61	92

Итак, мы видим, что в обоих полушариях лето занимает первое место по числу политических преступлений; весна, как и относительно обыкновенных преступлений, всегда превосходит осень и зиму, вероятно благодаря своей теплоте и уменьшению количества пищевых средств. Осень и зима, напротив, мало отличаются в этом отношении друг от друга: так, в Америке зима превосходит осень на 7, а в Европе меньше ее на 2 подобных преступления.

Что касается других преступлений, то, по исследованиям Герри, перевес и здесь также замечается на стороне лета и весны, как это видно из следующих цифр:

Преступления против личности

	В Англии	Во Франции
Зимой	17,72	15,93
Весной	26,20	26
Летом	31,70	37,31
Осенью	24,38	20,60

Бенуастон де Шатенеф отмечает наибольшее число дуэлей в армии в течение лета.

Я доказал то же самое относительно гениальных творений.

4. Теплые годы. Ферри на основании французской уголовной статистики за период с 1825 по 1878 год приходит к заключению, что между теплотой и преступлениями наблюдается известная параллельность не только по месяцам, но и по годам.

Влияние температуры в период с 1825 по 1848 год нам кажется даже более резко выраженным и постоянным, чем влияние земледельческой производительности. С 1848 года, если не считать несколько тяжелых земледельческих и политических кризисов, замечается время от времени совпадение между колебанием температуры и преступлениями, особенно в отношении предумышленных и случайных убийств, как это наблюдалось в следующие годы: 1826, 1829, 1831–1832, 1833, 1842–1843, 1844–1845, 1846, 1858, 1865 и 1867–1868. Подобное же совпадение, но в более резкой и очевидной степени имеет место в отношении изнасилований и преступлений против чести, которые более точно следуют за годовыми температурными колебаниями.

Что касается преступлений против собственности, то по частоте их первое место занимает зима; например, кражи и подлоги наблюдаются преимущественно в январе, хотя прочие времена года немногим отличаются от нее.

Здесь метеорическое влияние очень сильно: потребности увеличиваются, между тем как средства к удовлетворению их уменьшаются.

5. Календари преступников. Лакассань, Шоссини и Мори составили на основании статистических данных по каждому преступлению в отдельности настоящие календари преступников по образцу тех, которые существуют для флоры у ботаников.

Оказывается, что среди преступлений против личности детоубийство занимает первое место в январе, феврале, марте и апреле (647, 750, 783, 662); это соответствует, с одной стороны, большому числу рождений, которые имеют место весной, уменьшаясь в мае, и особенно в июне и в июле, и опять увеличиваясь в ноябре и декабре (время карнавала); а с другой – увеличению числа незаконных рождений (1100, 1131, 1095, 1134) и выкидышей.

Случайные убийства и причинение повреждений достигают своего максимума в июле (716); отцеубийства, напротив, встречаются чаще всего в январе и октябре.

В течение июня влияние температуры на число растлений детей сказывается с наибольшей силой; за ним следуют май, июль и август (2671, 2175, 2459, 2238); минимум наблюдается в декабре (993) и несколько больше в остальные холодные месяцы. Ежемесячная средняя достигает 1684. Изнасилования взрослых имеют другое колебание: их максимум приходится на июль (1078), а минимум – на ноябрь (534); они учащаются в декабре и январе (584) (благодаря, как я думаю, карнавалу), остаются на неподвижной точке в феврале (616) и снова поднимаются в марте и мае (904). Месячная средняя цифра их достигает 698.

Увечья имеют неправильное движение, так как они мало зависят от климата. Число их нарастает в феврале (937), падает в последующие месяцы (840–467), опять поднимается в мае (983) и июне (958), уменьшается в июле (919), а в августе и сентябре увеличивается (997 и 993), чтобы вновь уменьшиться в ноябре и декабре (886).

В преступлениях против собственности не замечается таких резких колебаний, хотя и среди них существует разница более чем в 3000 между декабрем и январем (16 879 и 16 396), и вообще в холодные месяцы, и падение в апреле (13 491) и теплые месяцы. Очевидно, здесь все зависит не от прямого влияния холода, а от увеличения потребностей зимой и от уменьшения возможности удовлетворять их, благодаря чему учащаются случаи воровства. (Месячная средняя их 14 630).

Теперь займемся любопытными выводами Мори, сделанными на основании ежемесячных наблюдений Герри.

В марте абсолютное первое место занимают детоубийства. На 10 тысяч преступлений приходится 1193 случая. За ними следуют: изнасилования – 1115, подмена детей – 1019 и похищение несовершеннолетних – 1054. Третье место занимают письменные угрозы – 997.

В мае первое место занимает бродяжничество – 1257; за ним идут: изнасилования и преступления против чести – 1150, отравления – 1144 и растление несовершеннолетних – 1106. Последняя категория преступления с 35-го места, какое оно занимает в марте, поднимается внезапно благодаря майской теплоте до 4-го; в апреле оно занимает уже 10-е, но в июне оно снова поднимается до 2-го места, выражаясь цифрой 1303.

В июне первое место по частоте занимает аналогичное преступление, именно изнасилование взрослых – 1313; третье место принадлежит отцеубийству – 1151, а четвертое – выкидышам – 1080.

В июле растление детей становится наиболее частым преступлением, поднимаясь до 1330; следующие за ним по частоте преступления: похищение детей – 1118, причинение повреждений родным – 1100 и преступления против женской чести – 1093.

В августе преступления полового характера отходят на третий план и уступают свое место деревенским поджогам. Конечно, причиной последних является не температура, а случай, именно оконченный сбор посевов, благоприятствующий приведению в исполнение различных планов мести. Но высокая температура этого месяца не остается, как справедливо замечает, Мори, совершенно без влияния на преступления подобного характера, и, вероятно, ею объясняется тот факт, что ложные свидетельства уступают по частоте подкупу малолетних.

В сентябре животные страсти успокаиваются и покушения на невинность детей занимают 15-е место, а на целомудрие женщин – даже 25-е место в ряду других преступлений. Зато кражи и злоупотребления чужим доверием становятся на 4-е место.

Лихоимство и склонение к разврату в сентябре и октябре превалируют над другими преступлениями, что объясняется обычными в это время платежами и сведением счетов.

Многочисленные подмены детей соответствуют огромному числу рождений.

С октября до января наиболее часты предумышленные убийства, отцеубийства и разбои благодаря пустынности дорог и длинным ночам.

В ноябре опять учащаются подлоги и преступления против нравственности.

В январе чаще всего встречаются сбыт фальшивых монет и кражи в церквах, чему, вероятно, способствует постоянная пасмурная погода.

В феврале опять начинают преобладать детоубийства и подмена детей, каковые преступления находятся в связи с возрастанием числа беременностей.

Преступления против нравственности занимают в октябре 28-е, а покушения на целомудрие женщин – 29-е место, в ноябре они опускаются до 24-го и 26-го места.

Мне кажется, невозможно более сомневаться во влиянии теплого климата на преступления, совершаемые под влиянием страсти. За это говорят, с одной стороны, изученные мной статистические данные пяти итальянских тюрем (Анконы, Алессандрии, Оменьи, Генуи и Милана. Преступления, за которые было осуждено большинство заключенных, были: тяжкое неповиновение, поборы и насилия над лицами), сообщенные мне г-ном Кардоном, а с другой – пятилетние наблюдения д-ра Вирлио над заключенными в тюрьме в Аверзе. Я пришел к заключению, что наказания за разного рода насилия значительно чаще встречаются в теплые месяцы.

6. Влияние чрезмерно высоких температур. Что касается чрезмерно высокой температуры, то влияние ее, особенно в соединении с влажностью воздуха, не особенно значительно. Действительно, Корр наблюдал, что преступления против личности среди креолов в Гваделупе остаются на минимальных цифрах при поднятии температуры до максимума и, наоборот, очень часты при понижении температуры.

Мы имеем здесь, стало быть, дело с явлением обратного характера, наблюдаемым также при влиянии очень высоких температур на политические преступления: благодаря чрезмерной влажной теплоте последние уменьшаются, в то время как под влиянием незначительного холода, напротив, учащаются.

В холодное время года среди креолов наблюдалось 53 преступления против собственности, а в теплое – 71 преступление против личности и 51 – против собственности.

Относительно преступлений против личности Корр отмечает в июне наибольшую цифру, а в январе – наименьшую.

7. Другие метеорические влияния. Директора тюрем подметили то общее явление, что заключенные обнаруживают обыкновенно наибольшее возбуждение перед наступлением гроз и в период первой четверти луны. У меня лично нет достаточных данных, чтобы судить об этом. Но ввиду того, что душевнобольные, которые во многом сходны с преступниками, очень чувствительны к температурным и барометрическим колебаниям и фазам луны, очень возможно, что это свойственно также и преступникам.

Однако одно обстоятельство убедило меня, что, помимо метеорических влияний, преступления зависят еще и от известных органических условий, а именно: следя в течение многих лет изо дня в день за количеством преступников, заключенных в тюрьмы Турина, я подметил, что в одни и те же дни поступает всегда довольно много – до 10–15 лиц, страдающих грыжами или же асимметриями органов, блондинов или брюнетов, нередко происходящих даже из различных стран. Явление это наблюдалось постоянно в одни и те же дни недели, в течение которой температура оставалась вообще более или менее одинаковой.

Экономические и политические условия последнего времени совершенно ослабили и отодвинули на задний план влияния метеорические. Так, во Франции с каждым годом все уменьшается связь между средней теплотой и политическими преступлениями, которая так ясно выступала в прежние времена. В силу этого же в северных странах, в которых преступления составляли некогда большую редкость, они начали чаще наблюдаться в течение последних лет, несмотря на то что климатические условия их несколько не изменились. Однако при всем том нельзя, конечно, совершенно отрицать здесь значение и метеорических влияний.

8. Преступления в теплых странах. Термический фактор имеет преобладающее, но не исключительное влияние на географическое распределение уголовных и политических преступлений.

В южных областях Франции и Италии наблюдается больше преступлений против личности, чем в северных и центральных. К этому мы еще вернемся, говоря о каморре и морском разбое. Герри доказал, что во Франции преступления против личности вдвое чаще на юге (4,9), чем на севере (2,7) и в центре (2,8). Зато преступления против собственности чаще на севере (4,9), чем на юге и в центре (2,3).

В Северной Италии, в Лигурии, исключительно благодаря ее более мягкому климату сравнительно с прочими областями, наблюдается большее число преступлений против личности.

Максимум раскрытых в 1875–1884 годах преступлений дал Лацио, а после него острова; минимум же наблюдался на севере, причем цифры их, приходившиеся на каждые 100 тысяч жителей, суть следующие: в Пьемонте – 512, в Ломбардии – 689, в Калабрии – 1287, в Сардинии – 1293 и, наконец, в Лацио – 1537. Наибольшее число убийств наблюдается исключительно на юге и на островах.

Хольцендорф полагает, что число убийств в южных штатах Северной Америки в 15 раз превосходит количество их в северных. Равным образом и в Северной Англии приходится 1 убийство на 66 тысяч жителей, а в Южной от 1 до 4 на 6 тысяч. В Техасе, по словам Редфилда, в течение 15 лет было 7000 убийств на 818 тысяч населения.

Исследуя распределение простых и квалифицированных убийств в Европе, мы находим наибольшее число их в Италии и других южных странах, а наименьшее – в северных государствах, как, например, в Англии, Дании, Германии. То же самое следует сказать и о распределении политических преступлений во всей Европе. Мы убеждаемся, что число этого рода преступлений растет по мере того, как мы от севера приближаемся к югу, соответственно тому, как нарастает постепенно температура. Так, например, в Греции приходится 95 политических преступлений на 10 миллионов населения, то есть максимум, в России – 0,8, то есть минимум. Наименьшие цифры наблюдаются вообще в северных странах: в Англии и Шотландии, Германии, Польше, Швеции, Норвегии и Дании; наибольшие в южных – в Португалии, Испании, Европейской Турции, Южной и Средней Италии и средние – в центральных областях.

Рассматривая отдельно Италию, мы видим, что в северной части ее приходится 27 политических преступлений на 10 миллионов жителей, в средней – 32 и в южной – 33 (17 из этого числа приходится на острова Сардинию, Корсику и Сицилию).

Подтверждение только что сказанному об уголовных и политических преступлениях мы находим в «Статистике преступности в Италии за 10 лет», опубликованной Бодио, и в «Статистике преступлений в Испании за 1884 г.», обнародованной испанским министром юстиции (Мадрид, 1885).

С другой стороны, в Испании квалифицированные кражи наблюдаются в такой же пропорции в северных провинциях – в городах Сантандере, Леоне, – в какой в южных, в Кадисе, и в центральных – в Бадахосе, Касересе и Саламанке, – ибо они зависят меньше от кли-

мата, чем от разного рода случайных причин. Поэтому же детоубийства и отцеубийства чаще встречаются в центральных провинциях (где расположена и столица) и в северных. То же следует сказать и об Италии, Франции и вообще обо всей Европе. В Италии, согласно наблюдениям Ферри, влияние теплого климата обнаруживается на числе простых убийств во всей южной части ее и на островах, исключая Сардинию, и на квалифицированных – в Сардинии и Форли. Точно так же и предумышленные убийства равномерно увеличиваются в Южной Италии и на островах, кроме тех местностей, в которых преобладает греческий элемент населения, а именно провинций Апулия, Катания, Мессина и др.

Намеренно причиненные увечья также увеличиваются согласно тому же закону, кроме Сардинии, где они уменьшаются. В Лигурии они также очень часты.

Аналогичное движение имеют и отцеубийства, которые наблюдаются преимущественно в Южной Италии и на островах, кроме местностей, заселенных греками; они не реже и в центре Пьемонта.

Отравления преобладают на островах и в Калабрии, но здесь они не находятся в очевидной зависимости от влияния климата.

Детоубийства очень часты в Калабрии и Сардинии, но не менее этого и в Абруццо и Пьемонте, так что они, по-видимому, также не подчиняются влиянию климата.

Грабежи, соединенные с убийствами, в силу этого же преобладают в Пьемонте, Массе и Порте-Маврикия, точно так же, как и на окраинах Италии и на островах. Квалифицированные кражи, столь частые в Сардинии, Калабрии и Риме, наблюдаются не реже в Венеции, Ферраре, Ровиго, Падуе и Болонье, почти совершенно не завися от влияния климата.

То же наблюдается и во Франции, где предумышленные и случайные убийства свирепствуют особенно на юге, кроме нескольких исключений, объясняющихся этническими особенностями.

Отцеубийства и детоубийства, напротив, распространены более на севере, причем количество их нисколько не объясняется влиянием климата, но зависит исключительно от чисто случайных причин.

Глава 2

Влияние гор на преступления. — Геология. — Области распространения зоба, болотистых лихорадок и прочего

- 21 % в департаментах преимущественно с почвой горской и меловой форм
- 19 % гранистой
- 22 % глинистой
- 21 % аллювиальной

Те же цифры с ничтожными изменениями наблюдаются и для преступлений против собственности.

2. Орография. Изучая отношение орографии к числу преступлений против личности, наблюдающихся во Франции в течение 54 лет, мы нашли, что:

- минимальная пропорция их в 20 % приходится на ровные департаменты
- средняя – 33 % – холмистые
- максимальная – 35 % – гористые.

Это, несомненно, объясняется тем, что горы дают возможность легче устраивать засады и скрываться и что население их отличается более решительным и энергичным характером.

Изнасилования, достигающие в гористых местностях 35 % и в холмистых 33 % общего числа преступлений, гораздо более многочисленны на равнинах, где они доходят до 70 %, благодаря тому что население более скученно и многочисленно вследствие обилия больших городов.

То же можно сказать о преступлениях против собственности, которые, в противоположность преступлениям против личности, достигают на равнинах 50 %, а в холмистых и гористых местностях уменьшаются до 47 и 43 %.

В Италии орографическое влияние на преступления не выступает, однако, так резко. Максимум свыше 201 преступления на 100 тысяч жителей наблюдается в равнине р. По (на севере Италии), в Болонье, Ферраре, Венеции, Калабрии, которые все отличаются гористостью почвы, и в провинции Ливорно.

3. Болотные лихорадки. Изучая области Италии, в которых сильнее всего свирепствует малярия, дающая в них смертность от 5 до 8 человек на 1000 жителей, такие как Гроссето, Феррара, Венеция, Крема, Верчелли, Новара, Ланчиано, Васто, Сан-Северо, Катанзаро, Лечче, Фоджа, Террачина и Сардиния, мы убеждаемся, что интенсивность этой болезни совпадает с наибольшим числом преступлений против собственности только в пяти из этих местностей, а именно в Гроссето, Ферраре, Сардинии, Лечче и в Риме.

Между убийствами и болотной лихорадкой нет, по-видимому, никакой связи. Напротив, в Южной Сардинии, где малярия особенно сильно распространена, наблюдается даже меньше этих преступлений, чем в Северной. Это относится и к преступлениям против нравственности. Равным образом и во Франции, в местностях, где более господствует болотная лихорадка, как в департаментах Морбиан, Ланды, Луар и Шер, Эна, наблюдается меньше всего убийств и изнасилований.

4. Местности, где распространен зоб. Крупные центры распространения в Италии зоба и кретинизма, оказывающих такое огромное влияние на гигиену и интеллигентность жителей, как Сондрио, Аоста, Новара, Кунио и Павия, почти нисколько не влияют на количество преступлений. Убийства, случаи воровства и преступления против нравственности везде в них даже ниже обычной средней.

То же следует сказать и о Франции. Здесь, с одной стороны, в департаментах Верхние и Нижние Альпы и Восточные Пиренеи число страдающих зобом довольно значительно, между тем как убийц насчитывается 9,76 на 1 миллион жителей. С другой стороны, в департаментах Лозер, Арьеж, Савойя, Ду, Пюи-де-Дом, Эна и Верхняя Вьенна зоб также распространен, а между тем число убийств падает до 1,0–5,7 на 1 миллион жителей. Точно так же и преступления против собственности слабо распространены всюду, где господствует зоб, исключая такие местности, как департаменты Ду, Вогеzy и Арденны.

Достоин примечания то обстоятельство, что почти во всех странах сильного распространения зоба (Бергамо, Сондрио, Аоста) преступления отличаются обыкновенно чрезвычайно жестоким характером и часто связаны бывают с похотливостью, но, для того чтобы ближе изучить это явление, следует ознакомиться с распространением преступлений по отдельным округам.

5. Смертность. Из 23 департаментов Франции, смертность в которых незначительна, 7, то есть 30 %, превосходят обычную среднюю по числу наблюдаемых в них убийств, а именно департаменты Ло и Гаронна, Эна, Марна, Кот-д'Ор, Эро, Верхняя Сона и Об, в которых средняя цифра убийств достигает 13,9 %.

Из 18 других департаментов со средней смертностью 6, то есть 23 %, точно так же превосходят среднюю цифру убийств, а именно департаменты Эндр и Луара, Об, Нижние Пиренеи, Эро, Ду, Сена и Уаза и Вогеzy. Общая средняя наблюдаемых в этих 18 департаментах убийств достигает 15,4, то есть немногим разнится от средней предыдущих департаментов.

Из 25 департаментов с максимальной смертностью 7, то есть 28 %, значительно превосходят среднюю цифру убийств, а именно департаменты Нижние Альпы, Верхняя Луара, Сена, Нижняя Сена, Устье Роны, Корсика и Вар. Средняя цифра этого рода преступлений достигает в них 28 %. Если откинуть последние два департамента, дающие особенно много убийств, то число последних понизится до 20 %.

Что касается воровства, то из 24 департаментов с минимальной смертностью 14 превосходят среднюю цифру (90 %), достигая 102,4. Из 18 же департаментов со средней смертностью ее превышают 7, имея среднюю цифру 91 %, а из 25 департаментов с максимальной смертностью только 8, достигая средней – 105.

В общем, можно принять, что между смертностью и воровством нет никакого соотношения, между тем как между убийством и высокой смертностью есть постоянный параллелизм.

Глава 3

Влияние расы. — Честные дикари. — Центры преступности. — Семитическая раса. — Греки в Италии и во Франции. — Головной указатель. — Цвет волос. — Евреи. — Цыгане

1. Влияние расы. Мы уже видели раньше и убедимся еще более в этом впоследствии, какое смутное понятие существует у дикаря о преступлении, причем у первобытного человека мы предположили даже полное отсутствие всякого представления об этом. Тем не менее у многих диких племен существует своя особая нравственность, которой они придерживаются на свой особый манер. Соответственно этому у них есть и свои преступления, как нарушения этой нравственности. У американского племени урис уважение к чужой собственности так велико, что для ограждения ее достаточно обыкновенной нитки. Племена кориаки и мбайя наказывают убийство, совершенное в их племени, но не считают его преступлением, если убитый принадлежит к чужому племени. Само собой разумеется, что без подобного закона племя это не представляло бы собой связного целого и легко могло бы быть уничтожено.

Вместе с такими племенами существуют другие, у которых отсутствуют даже эти относительные представления о нравственности. Так, в Африке рядом с честным и мирным племенем дикарей багнусов, занимающихся возделыванием риса, мы находим балантов, живущих исключительно охотой и грабежом. Они убивают тех, кто ворует в их деревнях, но сами тем не менее воруют у других племен. Лучшие воры пользуются у них большим уважением и хорошо оплачиваются, как учителя, преподающие детям уроки воровства; их нередко выбирают даже в начальники тех или других предприятий.

С ними очень сходны марокканские бени-гассаны, главное занятие которых также воровство. Племя это более или менее дисциплинировано, имеет своих начальников, свои законы, признаваемые правительством, которое пользуется ими для отыскивания похищенных вещей. Они разделяются на воров овса, лошадей, на тех, кто воруют на дорогах и в деревнях. Между ними есть особый класс конных воров, которые мчатся так быстро, что настигнуть их невозможно. Они влезают в хижины голыми, намазав свое тело мазью, или же прячутся в листву, чтобы не испугать лошадей. Начинают они воровать уже с восьмилетнего возраста.

В Индии существует племя зака-каиль, живущее, как и предыдущие, воровством. Когда у них рождается мальчик, они совершают над ним обряд, продевая его через отверстие, сделанное в стене, и произнося при этом три раза: «Будь вором!».

Напротив, курубары отличаются высокой честностью: они никогда не лгут и скорее умрут с голода, чем решатся на воровство. Поэтому их используют как сторожей при уборке хлеба и сборе плодов.

Спенсер также цитирует несколько племен, отличающихся своей честностью, как, например, тодосов, айно и бодосов. Они не любят войны и занимаются исключительно меновой торговлей. Они почти никогда не ссорятся между собой, в случае споров обращаются к своим начальникам и настолько добросовестны, что возвращают обратно половину из взятых в обмен товаров, если им покажется, что они получили слишком много. Им незнаком долг мести, они не проявляют никакой жестокости и относятся с уважением к женщинам и при всем том — удивительное дело — совсем не отличаются религиозностью.

Среди арабов (бедуинов) есть честные и трудолюбивые племена, но еще больше таких, которые славятся своим диким воинственным характером и склонностью к грабегам и воровству.

В Центральной Африке Стенли нашел как честных дикарей, так и тех, кто занимается разбоями и грабежами, как, например, зегесы. Среди готтентотов и кафров встречаются дикие, неспособные ни к какой работе индивиды: они живут трудами других, непрерывно перекочевывают с места на место и носят название фингасов у кафров и сонкасов у готтентотов.

Данные, которыми мы располагаем для выяснения степени этнического влияния на преступления в нашем цивилизованном мире, не отличаются положительностью. Мы знаем, например, что значительная часть лондонских воров – это ирландцы или уроженцы Ланкашира.

В России, по словам Анучина, большинство воров в столице оказывается родом преимущественно из Бессарабии, и сравнительно с другими край этот дает наибольший процент осужденных. Здесь можно наблюдать, как преступность переходит от семейства к семейству. В Германии местности, в которых находятся цыганские колонии, особенно изобилуют женщинами-воровками.

2. Центры преступности. Во всех областях Италии и почти в каждой провинции ее существуют такие местечки и деревни, которые пользуются репутацией родины разного рода преступников. Так, например, Лигурия, Леричи славятся своими мошенниками, а Кампофеддо и Масса – убийцами; Поццало известно своими разбойниками на больших дорогах; Луккская провинция Каппанори приобрела печальную известность своими наемными убийцами, а Пьемонт – своими полевыми ворами.

В Южной Италии Сора, Мельфи, равно как Партинико и Монреале в Сицилии, уже с шестидесятых годов стали известны своими разбоями.

Это преобладание того или другого вида преступления в известной местности объясняется, несомненно, расой, как история доказывает относительно некоторых из них. Так, мы знаем, что Пергола и Пистоя были некогда населены цыганами, Масса – португальскими разбойниками и Кампофеддо – корсиканскими пиратами; еще и по настоящее время здесь говорят наполовину на корсиканском, наполовину на лигурийском наречии.

Но наибольшей известностью пользуется село Артена в Римской провинции, которое Сигеле описывает в следующих словах:

«Расположенное на возвышенной местности, в цветущей долине, в чудном климате, село это, где совершенно неизвестна нищета, могло бы стать счастливейшим и прелестнейшим уголком земного шара. Но на самом деле оно пользуется очень скверной репутацией, и жители его славятся в окрестностях ворами, разбойниками и убийцами. Эта печальная слава утвердилась за ними не со вчерашнего дня: уже в средневековых итальянских хрониках часто встречается название Артены, и вся история ее есть длинный ряд всевозможных преступлений».

«Итак, уголовная статистика Артены особенно богата увечьями и убийствами, число которых в 6 раз, и разбоями, количество которых в 30 раз больше средней этих преступлений для всей остальной Италии. Но даже и эти цифры дают только поверхностное понятие о жестокости и дикости ее жителей. Чтобы получить надлежащее представление об этом, следовало бы подробно описать все преступления их и рассказать, как там убивают среди белого дня на улицах и как душат свидетелей, которые осмеливаются говорить судьям правду!».

«Причины всего этого, по моему мнению, – говорит далее Сигеле, – кроются, прежде всего, в характере артенского населения, затем в притеснениях правителей, способствовавших развитию здесь разбоя и каморры, и, наконец, в неспособности властей находить и наказывать виновных благодаря молчанию подкупленных или запуганных свидетелей. Но больше всех перечисленных причин имеет значение наследственность».

Изучая судебные процессы, имевшие место в Артене с 1852 года, Сигеле постоянно наталкивался на одни и те же фамилии. Очевидно, сыновья следовали постоянно по пути

преступления за своими отцами, как бы влекомые какой-то роковой силой. Уже в 1555 году стала известна своими преступлениями Артена, называвшаяся в то время Монтефортино.

В 1557 году Павел IV велел истребить всех ее жителей, перебить их и разрушить их жилища, «чтобы уничтожить и самое гнездо этих негодяев».

Если принять во внимание, что в Сицилии разбой держится почти исключительно в приобретшей печальную славу долине Конка д'Оро, где некогда обитали хищные племена берберов и где анатомический тип, нравы и обычаи еще до сих пор сохранили арабский характер (описания Томмази-Круделли в достаточной степени свидетельствуют об этом: «Они умеренны, – говорит он про жителей Конка д'Оро, – терпеливы, настойчивы, легко доступны чувству дружбы, но имеют склонность достигать намеченной цели скрытно и молчаливо; они гостеприимны, но в то же время и хищны; низшие классы их отличаются суеверием, а высшие гордостью. Слово “malandrino” теряет в Сицилии свое истинное значение. Здесь говорят “я разбойник” так же свободно и просто, как если бы хотели сказать: “У меня в жилах кровь течет”. Донести на убийство – значит здесь поступить непорядочно»), если подумать о том, что здесь, как и у арабских племен, кража скота является наиболее частым преступлением, то легко убедиться, что все дело объясняется здесь наследственностью. Кровь некогда живших здесь диких, воинственных племен, гостеприимных и жестоких, суеверных, непостоянных, вечно беспокойных и не терпевших над собой никакой узды, должна была оказать огромное влияние на характер современных жителей Конка д'Оро, склонных к постоянным восстаниям и грабежам. Подобно древним арабам они не делают разницы между политическим возмущением и грабежом; последний не вызывает у них ни ужаса, ни отвращения, как у других, хоть и менее развитых, но более богатых арийской кровью племен той же Сицилии, Катании и Мессины. Рядом с этим следует отметить для контраста местность Лардерелло в Вольтерре, в которой в течение 60 лет не было совершено ни одного убийства, ни одной кражи, ни одного даже проступка.

Что раса является одним из самых могущественных факторов, влияющих на преступность жителей всех этих местностей, тем более вероятно, что я наблюдал даже у многих из них, как, например, в Сан-Анджело и Сан-Пьетро, более высокий рост, чем у окрестного населения.

Точно так же и во Франции Фовель отметил особую расу преступников в целом ряду местечек, расположенных вдоль Арденнского леса. В местечках этих обычны всякие грабежи и насилия, против которых власти в большинстве случаев ничего не могут поделать. Иностранец, рискующий посетить эти места, неминуемо подвергается насилию со стороны не только мужчин, но и женщин; даже богатые здешние жители, в сущности, такие же дикари, хотя дикость их скрывается часто под маской вежливости. Сильно распространенный между ними алкоголизм еще более усиливает их дикость и варварство. Они не любят земледельческих работ, которым предпочитают работы на железных заводах, но любимым занятием их является контрабанда. Они выше среднего роста, мускулисты, с широкими и крепко развитыми нижними челюстями; у них прямые носы, резко выраженные надбровные дуги, сильно развитая и богатая пигментом растительность. Они сильно отличаются от своих светловолосых соседей, с которыми редко вступают в сношения.

3. Европа. В своем сочинении «Убийца» Ферри ясно доказывает этническое влияние на распределение убийств в Европе. По его словам, резче всего выражена склонность к убийству вообще и к квалифицированным убийствам в частности, равно как и к детоубийству, у немцев и латинян; точно так же у них чаще наблюдаются самоубийства и психические заболевания, причем последние особенно преобладают у первых.

4. Австрия. При всем том этническое влияние часто не может быть точно выражено при помощи цифр, потому что определение его основывается на уголовной статистике, которая представляет собой совокупность весьма сложных факторов, не дающих нам возможно-

сти делать из них определенные выводы. Так, например, минимум женской преступности наблюдается в Испании, Ломбардии, Дании, Воеводине и Гарце, а максимум – в австрийской Силезии и в прибалтийских губерниях России. Но здесь проявляется влияние нравов в большей степени, нежели расы, так как у тех народов, где женщины получают одинаковое с мужчинами образование, как в Силезии и в Прибалтийском крае, они принимают участие в жизненной борьбе наравне с ними, и потому преступность их приближается все более и более к мужской.

Тем же объясняется и сравнительно очень большая преступность, которая наблюдается повсюду среди юношеского возраста в заселенных немцами местностях Австрии, именно в Зальцбурге, сравнительно со славянским и итальянским населением Гарца, Тироля и Каринтии.

5. Италия. Изучая число простых убийств (с ранениями, последствием которых была смерть) и число квалифицированных убийств (с разбоями на больших дорогах, сопровождавшимися убийствами), имевших место в различных провинциях Италии в течение 1880–1883 годов, и сопоставляя их с данными относительно движения преступности в Италии 1873–1883 годов, мы находим следующее:

Число обнаруженных убийств на 1 миллион жителей:

Область Италии	Простые убийства	Квалифицированные убийства
Пьемонт (3 070 250)	47	34
Лигурия (892 373)	40	29
Ломбардия (3 680 615)	22	21
Венето (2 814 173)	34	25
Эмилия (1 806 817)	27	24
Романья (476 874)	103	76
Умбрия (572 060)	102	70
Марке (939 279)	94	53
Тоскана (2 208 869)	76	42
Лацио (903 472)	178	90
Абруццо (751781)	174	76
Молизе (365 434)	286	104
Кампания (289 577)	217	81
Апулия (1 589 054)	117	46
Базиликата (524 504)	214	86
Калабрия (1 257 883)	246	104
Сицилия (2 927 901)	205	122
Сардиния (682 002)	122	167

Отсюда ясно, что очевидный перевес преступности наблюдается среди населения семитической (Сицилия, Сардиния, Калабрия) и латинской рас (Лацио, Абруццо) сравнительно с расами германскими, лигурийскими, кельтскими (Ломбардия, Лигурия, Пьемонт) и славянскими (Венето).

Действительно, кроме главнейших этнических особенностей, сообщенных населению Италии лигурийцами на севере, умбрами и этрусками в центре и осками на юге, кроме этнического влияния в Сицилии сикулов лигурийского происхождения, больше всего способствовали порче этнического характера различных итальянских областей германцы, кельты и славяне на севере, финикийцы, арабы, албанцы и греки на юге и на островах.

Африканским и восточным элементам (кроме греков) Италия обязана своими убийствами, столь многочисленными в Калабрии, Сицилии, Сардинии, между тем как отсутствие и редкость их следует приписать влиянию германских рас (Ломбардия).

Это ясно доказывается известными очагами, где преступления эти процветают в большей или меньшей степени и где они удивительным образом совпадают с этническими особенностями их населения.

Другим доказательством может служить Тоскана, где значительная редкость преступлений, наблюдаемых в Сиене (3,9 на 100 000 жителей), во Флоренции (4,3) и в Пизе (6,0), составляет резкий контраст с поразительной частотой их в Масса-Карраре (8,3), в Гроссето (10,2), в Лукках (11,9) и особенно в Ареццо (13,4) и Ливорно (14,0).

Итак, помимо специальных условий жизни, создаваемых рудниками в Масса-Карраре и мареммами² в Гроссето, этническое влияние, по словам Ферри, неоспоримо сказывается также в Луккской провинции, которая отличается от Тосканы, между прочим, высоким ростом и долихоцефалией своего населения, часто наблюдаемыми также в Масса-Карраре, и особенной склонностью его к эмиграции. Я считал бы это остатком влияния древних диких лигурийцев, которые так часто возмущались против римского владычества. Но резче всего выступает этническое влияние в Ливорно, происхождение которого нам точно известно.

В XVI столетии Ливорно был небольшой деревушкой, расположенной в болотистой местности и насчитывавшей в 1551 году всего лишь 749 жителей. Первыми жителями его были либурны, племя иллирийского происхождения, изобретшие либурны³ и сделавшиеся знаменитыми пиратами. К ним потом присоединились сарадины, евреи и марсельцы, а впоследствии сюда явились по приглашению Медичи разного рода авантюристы и пираты.

Ливорно за время с 1879 по 1883 год дал наибольшую во всей Италии пропорцию общего числа обнаруженных преступлений, а именно квалифицированных убийств и восстаний, равно как и квалифицированных краж.

Факт этот не может быть объяснен ни особенной плотностью здешнего населения, ибо последняя (355 человек на каждый квадратный километр) равна плотности населения в Милане (355) и значительно уступает в этом отношении Неаполю (1149), ни преобладанием городского населения над деревенским, составляющего здесь лишь 80 % общего числа его, в то время как в Милане оно равно 92 %, а в Неаполе даже 94 %; тем не менее здесь особенно часты восстания и квалифицированные кражи.

Другой чрезвычайно резкий контраст наблюдается в южной части Италии, где провинции со значительной интенсивностью убийств, как Кампобассо, Авелино, Козенца и Катандзаро, встречаются рядом с местностями, где частота их ничтожна, такими как Беневенто,

² Маремма – географическая область в итальянской области Тоскана, полоса низменных, ранее заболоченных участков на западном побережье Апеннинского полуострова.

³ Либурна – военное судно Древнего Рима, распространенное с времен ранней Империи.

Салерно, Бари и Лечче, и где она, наоборот, чрезвычайно высока, как в соседних провинциях Л'Акуила, Казерта, Потенца, Реджо и особенно в Неаполе.

В настоящее время трудно отрицать причинную связь между этническим влиянием албанских колоний и огромным числом кровавых преступлений в провинциях Козенца, Катанзаро и Кампобассо.

С другой стороны, ничтожная интенсивность этого рода преступлений в Реджо и особенно в провинции Апулия (Бари и Лечче) объясняется главным образом влиянием греческого элемента, если вспомнить древнюю Великую Грецию и греческие колонии, появившиеся во время и после византийского владычества.

«Еще и в настоящее время, – пишет Николуччи, – большинство здешних уроженцев напоминает собой греческий тип как по своей наружности, так и по мягкости характера». Сюда присоединяется еще этническое влияние господствовавших здесь некогда норманнов.

Что касается редкости простых убийств в Беневенто и Салерно, то при объяснении ее необходимо принять во внимание влияние лангобардского элемента, владычество которого было здесь столь продолжительно (герцогства Беневентское и Салернское). Именно оттого здешнее население местами не подчинилось ассимиляционному влиянию итальянцев и до наших дней сохранило некоторые черты своих предков (высокий рост, светлые волосы и др.), поражающие несходством с типичными итальянцами.

Различное влияние албанской, греческой и лангобардской крови на эти очаги преступности сказывается в распределении квалифицированных убийств и разбоев на больших дорогах, сопровождаемых убийствами. Действительно, если мы исключим Салерно и Реджо, дающих сравнительно высокие цифры этих преступлений, то убедимся, что в Неаполе, благодаря греческому влиянию, число убийств, несмотря на бедность и скученность его населения, очень невелико, не больше, чем в Бари и Лечче.

Сицилия также представляет собой поразительный пример этнического влияния на убийства. В восточных провинциях ее, Мессинской, Катанской и Сиракузской, наблюдается значительно меньше простых и квалифицированных убийств, чем в провинциях Кальтаниссетта, Агридженто, Трапани и Палермо.

Мы знаем именно, что жители Сицилии резко отличаются по своему характеру от населения соседней Италии, главным образом благодаря влиянию многочисленных северных народов (вандалов, норманнов, французов), покорявших ее и господствовавших здесь. В восточной части ее, некогда находившейся преимущественно под влиянием греков, наблюдается значительно меньше убийств (как и в провинции Апулия), между тем как южная и северная части ее благодаря господству в них сарацинов и албанцев, наоборот, отличаются значительной частотой их.

У Реклю мы читаем: «Ко времени осады Палермо норманнами (1071 год) население Сицилии говорило на пяти языках: арабском, древнееврейском, греческом, латинском и простом сицилийском. Господствующим из них даже при норманнах остался арабский. Позднее благодаря влиянию французов, немцев, испанцев и арагонцев сицилийцы начали все более и более отличаться от жителей Италии своей одеждой, нравами, обычаями и национальным духом. Разница эта становилась то большей, то меньшей, смотря по тому, какой из народов овладевал Сицилией. Вот почему население провинции Этны, несомненно происходящее от греков и никогда не смешивавшееся со славянскими народами, является по своему характеру добрым и кротким, между тем как жители Палермо, на которых больше всего влияли арабы, напротив, отличаются в общем суровостью и развращенностью».

Точно так же характерна и преступность Сардинии как при сравнении ее с преступностью Италии вообще и особенно Сицилии, так и вследствие постоянного контраста между северной частью ее (провинция Сассари) и южной (провинция Кальяри). В этническом отношении Сардиния отличается от Сицилии, так как с глубокой древности и потом со времен

владычества Карфагена «финикияне утвердились и господствовали в Сардинии дольше, чем в Сицилии». Даже и в наши дни черепа сардинцев еще сохранили отчасти тип финикийских черепов (долихоцефалию). Что же касается сарацинов, то они весьма недолго хозяйничали в Сардинии, памятниками чего остались всего лишь две колонии: Барбаричини (в провинции Сассари) и Мауредди (в провинции Кальяри).

Этой этнической разницей и объясняется, несомненно, с одной стороны, огромное количество преступлений против личности в Сицилии (кроме восточных провинций ее) и, с другой – обилие преступлений против собственности в Сардинии. Сравнивая между собой эти два острова, мы видим резкую разницу между ними в числе простых убийств и особенно ран и увечий.

Но если общая цифра квалифицированных убийств оказывается в Сицилии, благодаря восточным провинциям, несколько ниже, чем следовало бы ожидать, то зато число всех вообще преступлений против личности, считая в том числе простые и квалифицированные убийства, равно и разбои на больших дорогах, сопровождающиеся убийствами, все-таки в ней значительно выше, чем в Сардинии.

Напротив, по числу преступлений против собственности Сардиния сильно превосходит Сицилию, особенно количеством квалифицированных краж и преступлениями против нравственности, между тем как в преступлениях против собственности, совершаемых с помощью насилия, именно в разбоях, затем в вымогательствах и шантажах перевес остается на стороне Сицилии.

В самой Сардинии наблюдается разница даже между обеими провинциями Сассари и Кальяри как в типе жителей, так и в проявлении их экономико-социальной жизни.

На севере ее более развиты земледелие и промышленность, в то время как на юге процветает разработка рудников около Кальяри и т. д.

В этническом отношении провинция Кальяри находилась, как известно, под влиянием финикийян, а Сассари – испанцев (колония Альжиро); этим и экономическими условиями объясняются большая частота квалифицированных краж, преступлений против добпорядочности в провинции Кальяри и огромное количество простых и квалифицированных убийств и разбоев на больших дорогах с убийствами в провинции Сассари.

Другим характерным примером этнического влияния может служить остров Корсика, который дает, как известно, максимальную для всей Франции цифру кровавых преступлений (кроме отравлений и детоубийств), между тем как число краж остается здесь очень незначительным.

Сравнивая между собой число лиц, осужденных за убийство в течение 1880–1883 годов на Корсике, с числом таких же осужденных в наиболее преступных областях Италии, мы получаем следующие данные:

Лица, судившиеся в 1880–1883 годах уголовными и исправительными судами (средняя на 100 тысяч жителей):

Преступления	Корсика	Сардиния	Сицилия	Молизе	Кампобассо
Убийства и раны, последствием которых была смерть	11,2	8,6	14,3	21,5	19,1
Убийства и разбои на больших дорогах, сопровождавшиеся убийствами	9,5	19,8	9,6	9,0	5,2

Цифры эти свидетельствуют о том, что Корсика хотя и принадлежит в политическом отношении Франции, но по природе своих жителей и по характеру их преступности она является страной итальянской. По этому поводу и Реклю говорит следующее: «Из этих двух островов, Корсика и Сардиния, принадлежавших некогда к одному и тому же государству, более итальянской должна считаться по своему географическому положению и историческим традициям именно Корсика, составляющая теперь французское владение».

Таким образом, резкая разница, существующая между преступностью Корсики и Сардинии, объясняется этническими мотивами, подтверждающимися в большинстве случаев сходством между первым из этих островов и Сицилией. Мы знаем, что Сицилией дольше всех других народов владели не столько жадные, сколько хищные сарацины, имевшие огромное влияние и на Корсику. Известно, что «после древнейших обитателей ее (лигуриков, иберов или сиканов, как их иногда называют) Корсикой владели фокийцы⁴ и римляне, но особенно долго сарацины, господствовавшие здесь до XI столетия, после чего явились итальянцы и французы».

Таким образом, Корсика и Сицилия (а отчасти и Калабрия) обязаны сарацинам своими частыми убийствами и сравнительно незначительной преступностью против собственности.

6. Французские расы. Взгляда, брошенного на изображенное деление Франции по расам и преступлениям, достаточно, чтобы убедиться, что максимум кровавых преступлений соответствует лигурийской и галльской расам.

Но более подробные доказательства этнического влияния мы получим, изучая соответственно расам департаменты, превосходящие среднюю цифру убийств. Мы видим, что число последних последовательно увеличивается по мере того, как мы от департаментов, населенных потомками кимврийской расы (1 из 18, то есть 5,5 %), переходим к департаментам с населением галльской расы (8 из 32, то есть 25 %) и от рас иберийской (3 из 8, то есть 35 %) и бельгийской (6 из 15, то есть 40 %) приближаемся к расе лигурийской, где это влияние достигает своего абсолютного максимума (100 %).

Что касается изнасилований, то число их увеличивается по мере перехода от департаментов с населением иберийской расы (2 из 8, то есть 25 %) к расе кимврийской (6 из 18, то есть 35 %) и от рас бельгийской (6 из 15, то есть 40 %) и галльской (13 из 32, то есть 41 %) к лигурийской расе (6 из 9, то есть 66 %), где они также достигают своего максимума.

В преступлениях против собственности первое место занимает бельгийская раса (самая промышленная, дающая 67 %, в то время как лигурийская и иберийская дают 60 и 61 %, а кимврийская и галльская еще меньше – 30 и 39 %).

Преобладающее влияние лигурийской и галльской рас зависит от их большей решительности и подвижности, как мы это уже видели в моем «Политическом преступлении».

Лигурийская раса дала во Франции максимум вожаков восстаний и революций (100 %) и в то же время максимум гениальных людей – 66 %, в то время как галльская дала первых 82 % и вторых 19 %, бельгийская – 62 и 33 %, кимврийская – 38 и 5 % и, наконец, иберийская – максимум 14 и 5 %.

7. Долихоцефалия и брахицефалия. Желая получить более точные данные о влиянии расы на преступность, мы занялись определением отношения, существующего между последней, головным указателем (индексом) и цветом волос.

Изучая преступность по таблицам Ливи, мы убедились, что в 21 провинции Италии, где преобладает долихоцефалия с указателем (от 77 до 80 включительно), средняя цифра

⁴ Фокида – в древности область в Средней Греции, граничившая на западе с Доридой и Озольской (западной) Локридой, на юге с Коринфским заливом, на востоке с Беотией и Опунтской Локридой, на севере с Эпикнемидскою Локридой. В древнейшую пору греческой истории Фокида занимала большую территорию, доходя до Фермопил.

убийств и увечий равна 31 %, между тем как общая средняя для всей Италии не превышает 17; таким образом, во всех этих провинциях с долихоцефалическим населением, кроме Лукки и Лечче, пропорция убийств превосходит среднюю для них цифру.

Провинции с преобладанием мезоцефалии (81–82) пропорционально уступают в количестве убийств долихоцефалическим и имеют среднюю в 25 %.

Наконец, там, где превалирует брахицефалия (83–88), средняя цифра убийств и ран достигает всего 8 %, значительно уступая, таким образом, общей средней для всей Италии.

При этом мы должны заметить, что долихоцефалия встречается преимущественно в южных провинциях, кроме Лукки, представляющей собой исключение в смысле соответствия между ней и интенсивностью преступлений, что брахицефалия преобладает, кроме Абрुццо, в верхней Италии, ультрабрахицефалия – в гористых местностях, в которых наблюдается значительно меньший контингент кровавых преступлений и, наконец, мезоцефалия встречается повсюду, особенно в Южной Италии и в наиболее теплых северных местностях, как Ливорно, Генуя, так что нельзя не признать, что здесь этнический фактор сливается с влиянием климата.

Во Франции преступления против личности дают среднюю в 18 на каждые 100 тысяч жителей у брахицефалов и в 36 – у долихоцефалов, считая в том числе и Корсику; без нее цифра эта остается одинаковой – 24 для одних и других, соответствуя, таким образом, нормальной средней, колеблющейся между 24 и 33 на 100 тысяч жителей. Придерживаясь цифр Ферри за период с 1880 по 1884 год, мы получим в этом отношении меньшую разницу между долихоцефалами и брахицефалами, а именно кровавые преступления составляют 13 на 100 тысяч (без Корсики) у первых и 29 – у вторых.

Таким образом, мы видим, что на кровавые преступления больше влияет климат, нежели раса, ибо в Италии, где долихоцефалы сгруппированы почти исключительно в южных провинциях, они, несмотря на это, значительно превосходят брахицефалов.

Относительно Франции, напротив, где долихоцефалия одинаково часто встречается как на юге и севере (Па-де-Кале, Эна, Нор), так и в центре (Верхняя Вьенна, Шаранта), к подобным выводам прийти нельзя, так как здесь у долихоцефалов наблюдается даже меньшая частота этого рода преступлений. Что касается преступлений против собственности во Франции, то разница между долихоцефалами и брахицефалами становится более ощутимой: у первых наблюдается 44 случая на 100 тысяч жителей, а у вторых – только 23.

В общем, преступность, стало быть, все-таки всегда выше в тех провинциях, где преобладает долихоцефалия.

Однако этот факт противоречит тому взгляду антропологии преступления, по которому преступники оказываются почти всегда ультрабрахицефалами и который доказывает, что крайняя брахицефалия является у преступников выдающимся признаком вырождения.

8. Русые и темные волосы. По цвету волос преступники во Франции распределяются следующим образом: в департаментах, где преобладают брюнеты, убийцы составляют 12,6 %, считая в том числе и Корсику, а без нее 9,2 %, между тем как среди блондинов пропорция достигает всего лишь 6,3 %.

Темный цвет волос преобладает преимущественно в теплых департаментах, таких как Вандея, Эро, Вар, Жер, Ланды, Корсика, Устье Роны, Нижние Альпы, Жиронда и др., где, конечно, не может быть исключено и влияние климата. С другой стороны, светлый цвет волос встречается преимущественно в местностях с холодным климатом (исключая департамент Воклюз), как департаменты Па-де-Кале, Нор, Арденны, Манш, Эро и Луара, в которых, соответственно этому, наблюдается и меньше кровавых преступлений.

В Италии пропорция блондинов в южной части ее и на островах меньше средней цифры их во всем государстве, в Беневенто – равна ей, а в провинциях Апулия, Неаполь, Кампания, Трапани и восточной части Сицилии немного уступает ей. Соответственно этому

во всей Южной Италии наблюдается в среднем меньше кровавых преступлений, чем в остальных частях, а в Беневенто, хотя число их и велико, доходит до 27,1 %, но все же меньше, чем в соседних провинциях. То же следует сказать и об Апулии, восточной части Сицилии, Сиракузах, Катании, в которых цифра преступности также сравнительно невелика (в Сиракузах 15, Катании 28, а в Лечче – даже 10).

В этих провинциях светлый цвет волос соответствует ломбардской (Беневенто) и греческой (Сицилия) расам, и сообразно этому здесь наблюдается и меньшая преступность.

С другой стороны, я не нашел никакого соответствия между преступлением и цветом волос населения в Перудже, где преобладают блондины, и в Форли, Центральной Италии, где встречаются преимущественно брюнеты.

Русое население, живущее у подножия Альп, находится в тесной связи с населением гор и подобно ему дает слабый процент преступности, но причина этого чисто орографическая. Напротив, в Ливорно и Лукке, где население состоит почти исключительно из брюнетов, наблюдается полная зависимость между черным цветом волос и очень высокой преступностью, особенно по сравнению с соседней Тосканой. А так как цвет волос здесь встречается параллельно с резкой долихоцефалией, не объяснимой какой-нибудь орографической причиной, то это, мне кажется, может служить новым доказательством этнического влияния на кровавые преступления.

Что касается преступлений против собственности, то они не находятся ни в какой очевидной связи с цветом волос: так, например, Трирская провинция, где почти все население имеет светлый цвет волос, дает максимум преступности почти так же, как и Феррара, где население, напротив, состоит из одних брюнетов.

9. Евреи. Влияние расы на преступность выступает особенно резко при изучении евреев и цыган, но для каждой из этих наций в совершенно обратном смысле.

Относительно евреев статистика доказала, что среди них в общем наблюдается меньшая преступность, чем среди христианского населения. Факт этот тем более замечателен, что, согласно наиболее распространенным среди евреев профессиям, их должно сравнивать не с целым населением вообще, а с сословиями купцов и мелких ремесленников, которые дают, как мы это увидим ниже, как раз наиболее замечательные цифры преступности.

В Баварии один осужденный еврей приходится на 315 жителей, а 1 католик – на 265.

В Бадене на 100 осужденных христиан приходится 63,3 осужденных еврея.

В Ломбардии в течение 7 лет приходился 1 осужденный еврей на 2,568 жителя.

В 1855 году во всей Италии в тюрьмах содержалось всего 7 евреев – пять мужчин и две женщины – ничтожная пропорция сравнительно с преступным христианским населением. По исследованиям Серви, сделанным в 1869 году, оказалось, что из 17 800 евреев осужденных было всего 8 человек.

В Пруссии Хаузнер также нашел разницу между преступностью христиан и евреев, причем по его расчету у первых 1 осужденный приходится на 2600, а у вторых – на 2800 жителей.

В 1854 году насчитывалось в ней 166 преступных евреев, в 1855 – 118, в 1856 – 163, в 1858 – 142, в 1860 – 123 и в 1861 – 118; то есть в последние годы замечается возрастание преступности среди евреев.

В Австрии число осужденных евреев достигло 3,74 % в 1872 и 4,13 – в 1873 году.

Факт специфической преступности евреев твердо установлен. Среди них, как и среди цыган, преобладают наследственные формы преступности, и во Франции известны целые поколения мошенников и воров среди Церфбееров, Саломонов, Леви, Блюмов и Кляйнов. Между евреями редки убийцы, но те из них, которые были осуждены за это преступление, являлись начальниками хорошо организованных банд, как Графт, Церфбеер, Мейер, Дешам, содержавшими для своих надобностей агентов, ведшими приходно-расходные книги и дей-

ствовавшими с такой ловкостью и осторожностью, что в течение многих лет ускользали из рук правосудия. Большинство преступников-евреев во Франции занимается разного рода мелкими мошенничествами, кражами или коммерческими надувательствами.

В Пруссии среди евреев больше всего осужденных за мошенничество, клевету, банкротство и укрывательство преступления, которое очень часто остается безнаказанным. Этим, между прочим, объясняется частота еврейских слов в воровских жаргонах Пруссии и Англии, так как вор считает своего укрывателя своим начальником и руководителем и очень легко усваивает себе его язык.

Всякое более или менее крупное предприятие знаменитой шайки Магуйеза (Грома) подготавливалось *kochener*, утайщиком-евреем. Одно время «почти все начальники крупных шаек во Франции имели любовниц-евреек». Евреев побуждают браться за эти преступления, равно как и за ростовщичество, следующие мотивы: жадность к золоту, отчаяние и невозможность получить какую-нибудь службу или вспомоществование; преступлениями они реагируют на преследования своих более сильных врагов, которые часто заставляли их даже стать соучастниками преступления, если они не желают сделаться их жертвами. Поэтому нельзя было бы удивляться, если преступность среди них была даже большей, чем у других народов, причем нужно отметить, что там, где евреи начинают пользоваться общими правами, специфичность их преступности заметно ослабляется и исчезает.

Отсюда опять ясно, как трудно приходиться к каким бы то ни было заключениям в моральных вопросах, основываясь на одних только цифрах.

Если, с одной стороны, доказана меньшая преступность евреев сравнительно с другими нациями, то, с другой – не подлежит также сомнению огромная частота среди них психических заболеваний.

Но здесь дело сводится не столько к особенностям их расы, сколько к умственному переутомлению, так как среди других семитов (арабов, бедуинов и т. п.) умопомешательство, напротив, встречается чрезвычайно редко.

10. Цыгане. Совершенно другое следует сказать о цыганах, которые могут служить олицетворением преступной расы с ее страстями и порочными наклонностями.

Они, говорит про цыган Грелман, питают ужас ко всему, что требует малейшего усилия, и готовы лучше переносить голод и нищету, чем взяться хотя бы за легчайший труд; вообще же они работают лишь столько, чтобы не умереть с голоду. Они клятвопреступны даже в отношении друг к другу, неблагодарны, злы и жестоки.

В австрийской армии они составляют зло. Они в высшей степени мстительны. С целью разграбить Лограно они отравили фонтаны Драо и, полагая, что все жители умерли, ворвались туда огромной толпой; жители же спаслись только благодаря тому, что один из них обнаружил этот замысел. Во время гнева цыгане швыряют своих детей в голову своим врагам. Они тщеславны, как преступники, совершенно равнодушны к позору и стыду. Все деньги свои они тратят на спиртные напитки и украшения, так что нередко их можно видеть босых, но в одежде, расшитой галунами и самых ярких цветов, без чулок, но в желтых сапогах.

Они предусмотрительны, как дикари или преступники, суеверны и считают величайшей мерзостью съесть угря или ящерицу, несмотря на то что едят почти гниющую мертвечину.

Они любят устраивать оргии и вообще производить страшный шум во время своих перекочевок. Они без угрызения совести убивают и грабят. Некогда их обвиняли даже в каннибализме.

Особенной ловкостью в воровстве отличаются их женщины, которые обучают ему своих детей с самого раннего детства. Они отравляют скот при помощи известных ядов с целью потом прославиться излечением его или скупить мясо за бесценно. В Турции цыганки занимаются преимущественно проституцией. Вообще же цыгане живут главным образом

мошенничеством, сбытом фальшивых монет и продажей порченных лошадей под видом здоровых и хороших. Если слово «еврей» обозначало некогда в Италии ростовщика, то в Испании слово *gitano* равносильно мошеннику и барышнику.

В каком бы положении цыган ни находился, он сохраняет всегда свое обычное равнодушие; он нисколько не заботится о будущем и со дня на день живет с абсолютной неподвижностью мысли, относясь ко всему совершенно индифферентно.

«Для этой странной нации, – говорит Колоччи, – власти, законы и постановления суть вещи несносные. Для них одинаково противно приказывать, как и повиноваться: одно и другое одинаково тяжело для них. Цыгану также чуждо понятие “иметь”, как и “быть должным”; ему незнакомы последовательность и предусмотрительность, связь прошедшего с будущим». «Когда они хотят уйти куда-нибудь, – писал про цыган Пешон де Руби в XVI столетии, – они направляются в сторону, противоположную той, куда им лежит путь, и, сделав с полверсты, возвращаются обратно».

В заключение заметим, что эта раса, стоящая на такой низкой ступени умственного и нравственного развития, совершенно неспособная к какой бы то ни было гражданственности и промышленности, не перешагнувшая в области поэзии самой жалкой лирики, создала в Венгрии новый род музыки, служащий доказательством того, что неофилия⁵ и гениальность могут у преступников часто примешиваться к атавизму.

⁵ Неофилия – навязчивое влечение к новому, непривычному.

Глава 4

Цивилизация и варварство. – Скученность населения. – Новые преступления

1. Цивилизация и варварство. Среди множества социальных проблем есть одна, верное и точное разрешение которой особенно важно: мы говорим о влиянии цивилизации на преступления и психические заболевания.

Если мы будем придерживаться исключительно цифр, то придем к заключению, что во всех европейских странах замечается постоянное увеличение преступлений и душевных болезней, непропорциональное, впрочем, росту населения.

Во Франции за время с 1826 по 1837 год обвиняемые составляли 1 на 100 жителей, а в 1868 году они увеличились до 1 на 55. С 1825 по 1838 год число осужденных (не считая политических преступников и нарушителей фискальных законов) возросло с 57 470 до 80 920. В 1838 году оно поднялось уже с 237 до 375 на каждые 100 тысяч жителей; в 1847 году – до 480; в 1854–1866 годах оно упало до 389, чтобы опять увеличиться в 1874 году до 517 и в 1889 году до 552. Таким образом, пропорция осужденных увеличилась во Франции в течение 50 лет на 133 %.

Но Месседаля совершенно справедливо указывает на неизбежность ошибок там, где на основании одних только цифр решаются сложные проблемы, в которых одновременно участвуют многие факторы.

Огромная, постоянно возрастающая цифра преступлений и психических заболеваний настоящего времени, быть может, объясняется, с одной стороны, переменами в гражданских и уголовных законах и большей активностью полиции, а с другой – значительным распространением специальных убежищ для душевнобольных.

Теперь уже не подлежит сомнению, что цивилизация, как и варварство, создает особого рода специфическую преступность. У дикарей отсутствует всякое нравственное чувство, и благодаря этому убийство не внушает им никакого ужаса. У многих из них оно, напротив, считается даже геройским подвигом. Варварство признает месть долгом, а силу – правом, что способствует умножению кровавых преступлений и развитию религиозных маний, демономаний и умопомешательств в силу подражания. Но варварству же, с другой стороны, свойственны и более крепкие семейные узы, более слабый половой инстинкт и отсутствие чувства тщеславия, благодаря чему среди дикарей реже наблюдаются такие преступления, как отцеубийство, детоубийство и кражи.

По словам Ферреро, человек выработал до настоящего времени два типа цивилизации: один с характером насилия, а другой – обмана и хитрости. Оба этих типа цивилизации коренным образом отличаются один от другого по форме, в какой выражается при каждой из них борьба за существование. В первобытной цивилизации с характером насилия борьба за жизнь ведется исключительно при помощи грубой физической силы: политическое могущество и богатство создаются при ней с помощью оружия за счет соседних чужеземных народов или же более слабых сограждан; торговая конкуренция совершается преимущественно при помощи армий и флота, то есть путем насильственного удаления противников с тех рынков, эксплуатацией которых желательно завладеть; споры и недоразумения разрешаются при помощи поединков.

При цивилизации с характером обмана борьба за существование совершается, напротив, при помощи хитрости, и споры разрешаются в судах при помощи состязаний адвокатов; политическое могущество достигается не оружием, а золотом; деньги переводятся из одного кармана в другой путем разного рода надувательств, называемых биржевой игрой; торговая война ведется при помощи усовершенствованных производств и фальсификаций.

Примерами цивилизации первого типа служат или, вернее, служили Корсика, отчасти Сардиния, Черногория, итальянские города в Средние века и все вообще примитивные страны.

Примерами второго типа цивилизации являются все современные народы, у которых буржуазно-капиталистический режим достиг значительного развития.

Разница между обоими типами цивилизации не так велика, как это кажется в теории, ибо в действительности у обществ часто наблюдается смесь черт, принадлежащих им обоим.

Подобно этому мы наблюдаем также и двоякого вида преступность, так как патология и в социальном отношении следует по тому же пути, что и физиология.

Мы различаем именно атавистические преступления, грубейшими примерами которых являются убийство, воровство и изнасилование, и эволюционные, отличающиеся от предыдущих более тонкими приемами, основанными не на силе, а на хитрости.

Преступлениям первого вида подвержено небольшое число лиц, роковым образом предрасположенных к ним, а преступления второго типа мы наблюдаем у всех тех, кто не обладает достаточно уравновешенным характером, чтобы противостоять окружающим вредным влияниям.

Сигеле справедливо замечает, что оба вида преступности наблюдаются очень интенсивно в массовых преступлениях низших и высших классов населения.

Эволюционная форма преступности покоится на деятельности ума точно так же, как атавистическая – на работе мускулов.

В современной Италии мы находим достаточно примеров обоих видов преступности: в Сицилии, например, очень часты морские разбои, а в Риме – банковские скандалы и преступления против нравственности, наблюдаемые у высших классов общества.

Следующим примером атавистической преступности может служить Романья. Последние годы здесь наблюдалось гораздо больше преступлений против личности, чем в других местностях Италии. Как доказал Габелли, объяснялось это преимущественно традициями старинной безнаказанности и той нравственной атмосферой, которая создавалась благодаря ей.

Несколько лет тому назад редко можно было встретить здесь девушку, которая согласилась бы выйти замуж за человека, ни разу не пустившего в ход ножа.

Пани Росси часто слышал, как в Базиликате матери называют своих сыновей маленькими разбойниками.

«Слово *malandrino*, – говорит он, – теряет в Сицилии всякое позорное значение и становится эпитетом, выражающим похвалу, которым всякий здесь гордится. *Lo sono malandrino* означает у них человека, который никого и ничего не боится, даже правосудия».

Еще более ярким примером подобной же преступности является Корсика, где причины ее кроются в социально-исторических условиях этой страны.

«Частота убийств на Корсике вследствие мести, – пишет Бурне, – известна всему миру, но вряд ли кто знает, до каких размеров здесь обыкновенно дело доходит. Роччино убил, положим, собаку Тофани, и следствием этого может явиться 11 убийств в обоих этих семействах. В 1886 году здесь было 135 покушений на жизнь, то есть одно подобное преступление приходилось на 200 душ населения, что в четыре раза превышает соответствующие цифры в Сенском департаменте во Франции. Из этих 135 покушений 52 явились последствием ссор и драк. В этой же стране невозможно заставить говорить свидетеля на суде. В Палермо 60 лиц присутствовали однажды при одном убийстве, а на суде все они под присягой показывали, что ничего не видели».

Согласно отчетам жандармерии Бурде считает число бандитов на Корсике равным 5–6 тысячам.

«Корсиканцы, – говорит он, – отличаются гордостью: они презирают всякий физический труд, обращают более внимания на ум, чем на нравственность, и со своеобразной точки зрения смотрят на счастье и совесть людскую.

Организация их очень напоминает устройство древних римских патрициев: 15 или 20 семейств заправляют здесь всеми остальными и делают все, что им угодно.

Здесь всякий, отказывающийся поддержать члена своей семьи, рискует своей жизнью. На этом острове находятся в вечной борьбе два принципа: один, новый – признание абсолютного права и справедливости, а другой, старый – слепая преданность своей фамилии и невозможность подняться выше узких семейных интересов. К сожалению, второй принцип почти всегда побеждает, что особенно резко выступает при отчуждениях земельных участков при постройке железных дорог».

«Суд, – читаем мы далее у Бурде, – под председательством Касабьянки, главы одной наиболее могущественной на Корсике партии, судит, например, таким образом: некоему Бенедетти за отчуждение его участка в 16,96 ара он назначает всего 2 тысячи франков, а какой-то Виргитти за участок в 18,90 ара выдает 13 тысяч франков. Подобные несправедливости кажутся здесь вполне естественными».

«Во всей Франции было в 1885 году констатировано 45 523 аграрных преступления, а в одной Корсике их было за это время 13 405, то есть почти треть».

С одной стороны, прогресс цивилизации, увеличивающей до бесконечности потребности и желания современного человека, а с другой – накопление богатств, дающих возможность удовлетворять возбужденные чувства, ведут к тому, что число душевнобольных, алкоголиков и паралитиков (в Бисетре паралитиков было в 1818–1819 годах всего 9 чел., а в 1848–1849 годах) в убежищах, равно как количество преступников против собственности и нравственности в тюрьмах, постоянно растет и увеличивается. Статистика неоспоримо доказывает, что число преступлений, совершаемых в крупных центрах людьми культурных классов населения, в настоящее время заметно возрастает.

Сигеле доказал, что преступность, наблюдаемая у масс, отличается в настоящее время именно вышеуказанным характером.

Является вопрос, почему среди зажиточных классов населения преобладает тип преступности в виде обмана, а среди бедных – в виде грубого насилия?

Ответ на этот вопрос прост: состоятельные классы населения отвечают духу времени, в то время как низшие по своим чувствам и мыслям живут еще отдаленным прошлым. Весьма естественно поэтому, что первые должны уйти вперед и в своей массовой преступности, в то время как вторые отстают в этом отношении и в силу атавизма приближаются более к первобытным дикарям.

Бажео писал: «Чтобы убедиться, что инстинкты массы грубеют по мере того, как спускаются все ниже и ниже по общественной лестнице, вовсе не нужно отправляться к дикарям: для того достаточно поговорить с английским простонародьем или с нашей прислугой».

Итак, цивилизация изменяет характер преступлений, обуславливая увеличение их. Факт этот вряд ли может в настоящее время подлежать сомнению, хотя и нелегко мириться с ним.

2. Скученность населения. К только что приведенным нами причинам, влияющим на увеличение числа преступлений, принадлежат еще и другие.

Цивилизация благодаря железным дорогам, развитию промышленности и бюрократии способствует, как известно, появлению крупных центров с огромным населением. Именно в этих центрах скапливается всегда больше всего так называемых привычных преступников, которые находят в них наилучшие условия для своей преступной деятельности и которым легче скрываться здесь от бдительного ока правосудия.

«Человеку, – говорит Бертильон, – свойственна особая, довольно сильная склонность воспроизводить в области чувств и поступков именно то, что он видит вокруг себя. Благодаря некоторым условиям склонность эта может до того усиливаться, что воздух как бы насыщается действующими началами тех или других мыслей и поступков, влияющих на людей и заражающих их в известном смысле. Среди лошадей, собранных вместе в больших количествах, часто наблюдается, как известно, склонность к развитию содомии».

Вышеприведенная причина наряду с хорошим и обильным питанием и известным параллелизмом, существующим между развитием половых органов и центральной нервной системы, объясняет нам отчасти значительное увеличение преступлений против нравственности, характерных для настоящего времени, и огромное распространение, особенно в крупных центрах, проституции. В этих же условиях кроются и причины более сильной преступности, наблюдаемой в цивилизованных странах у женщин, толкаемых на путь преступления преимущественно ложным стыдом их бедности, жадностью к роскоши и почти мужским воспитанием, дающим им, в силу их занятий, возможность совершать такие преступления, как подлоги, мошенничества и т. п.

Помимо этого цивилизация влияет на увеличение количества преступлений, повышая число душевных заболеваний, алкоголиков и усиливая употребление возбуждающих средств, почти совершенно неизвестных в некультурных странах и ставших насущной потребностью человека цивилизованного общества.

Возьмем для примера статистику Соединенных Штатов Северной Америки, страны наиболее далеко ушедшей по уровню культуры, и мы увидим, что число душевнобольных в 1850 году достигало в них 15 610, в 1870 – 20 042, в 1880 – 37 432 и в 1890 – 91 970, между тем как население с 23 191 876 в 1850 году возросло до 50 155 788 в 1890 году, то есть увеличилось за 40 лет вдвое, а число душевнобольных почти вшестеро. Мало того, в самые последние годы население, согласно той же статистике, возросло на 30 %, а число психических заболеваний – на 155 %. В Англии и Уэльсе душевные болезни в 1859 году составляли 18,6 на 10 тысяч жителей, в 1885 – 28,9 на 20 тысяч и в 1893 году – 30,0 на тысячу. В Италии в 1874 году считался 51 душевнобольной на 100 тысяч населения, в 1877 – 54,1; в 1880 – 61,25; в 1883 – 67,7; в 1885 – 66,0 и в 1886 – 74,0. Во Франции душевнобольные составляли 131,1 на 100 тысяч населения в 1883 году, 133,0 в 1884 году и 136,0 в 1888 году. В Шотландии и Ирландии, по статистике Легуая, наблюдается 2,6 психически больных на тысячу жителей, в Скандинавии – 3,4, в Соединенных Штатах – 3,3, в Голландии – 5,9 в 1856 году; 6,4 – в 1860 году и 7,5 – в 1863 году.

В Англии и Америке кроме алкоголя и табака в последнее время распространилось употребление опиума и эфира. Во Франции за период с 1840 по 1870 год среднее употребление водки возросло с 8 до 30 литров в год на каждого человека.

После всего сказанного нам еще более понятно станет и без цифр, каким образом должна влиять на увеличение преступлений скученность в тюрьмах, в которых, по словам самих заключенных, величайшая испорченность окружается ореолом славы, а добродетель считается стыдом. Цивилизация, способствующая умножению крупных тюремных центров, дает тем самым особенное напряжение преступности, особенно когда она связывает с ней благотворительные и филантропические учреждения (школы, патронаты). Современная система наказаний ни в коем случае не может влиять на исправление закоренелого преступника.

Наши исправительные заведения, возникающие благодаря истинно гуманным чувствам человеколюбия, оказывают на самом деле вследствие одного только скопления в них испорченных и негодных индивидов совершенно другое действие, обратное той цели, для которой они созданы. Припомним здесь, кстати, что знаменитый Оливеркрона приписывает значительное число рецидивистов-преступников в Швеции недостаткам ее тюремной

системы и в высшей степени вредному обычаю подвергать молодых заключенных такой же строгой дисциплине, что и взрослых.

3. Новые преступления. Цивилизация чуть ли не ежедневно создает новые преступления, быть может, менее ужасные, чем прежние, но столь же, если не более, вредные. Укажем несколько примеров. В последнее время распространились убийства с целью воспользоваться суммой, на какую была застрахована жизнь убитого.

Далее, картина отравления мышьяковистой кислотой, похожая на холерные припадки, навела на мысль во время холерной эпидемии отравлять людей, предварительно застраховав их жизнь.

В Вене недавно был открыт особый вид мошенничества, состоящий в том, что некоторые лица выписывали на имя разных несуществующих обществ всевозможные товары и затем сбывали их.

Повторяем, цивилизация, ослабляя семейные узы, увеличивает не только число бесприютных и беспризорных детей, кандидатов в преступники, но также и количество изнасилований и детоубийств.

Тем не менее, мы не в праве осуждать ее за это. Она является, правда, источником известных преступлений, но в то же время совершенно изменяет их характер. Это раз. С другой стороны, там, где цивилизация достигает своего апогея, она вместе с тем находит средства залечивать те раны, которые сама наносит, создавая убежища для душевнобольных, рабочие дома, сберегательные кассы при почтовых учреждениях и попечительные общества о покинутых и беспризорных детях, которые без этого становятся преступниками чуть ли не с колыбели.

Глава 5

Плотность населения. – Иммиграция. – Эмиграция. – Рождаемость. – Городское и деревенское население

1. Плотность населения. Влияние цивилизации на преступность выступает еще резче при изучении других факторов и особенно плотности населения, ибо история показывает, что в зависимости от нее преступность меняется.

Проституция, воровство и телесные повреждения, как справедливо замечают Реклю и Вестермарк, редко наблюдаются у примитивных обществ, как, например, у веддов, которые собираются вместе только в периоды дождей, или у некоторых австралийских племен, живущих отдельными семьями и сходящихся только во время жатвы. Точно так же и у животных редко наблюдается эквивалент преступности, если их не собрано много в одном месте, ибо при этом не могут проявляться с надлежащей силой их животные инстинкты. По мере развития городской жизни появляются те или другие преступления, до этого пребывавшие как бы в недейтельном, скрытом состоянии. Чем менее плотно и густо население какой-нибудь местности, тем относительно реже наблюдаются среди него преступления, которые растут по мере его развития и достигают бесконечного разнообразия в современном обществе.

Достаточно бросить беглый взгляд на преступления против собственности и на убийства, для того чтобы убедиться, что, оставляя в стороне колебания их в зависимости от климата, число краж резко увеличивается, а убийств уменьшается по мере увеличения плотности населения.

Влияние плотности населения еще резче сказывается в Италии, особенно если рассматривать каждое преступление в отдельности в зависимости от плотности населения. Так, мы находим в ней:

Число на 1 кв. км	Убийства	Кражи	Сопр.	Изнаси- лования	Мошен- ничество
От 20 до 50	11	199	23,7	18,8	52,6
От 50 до 100	6,03	144,4	25,4	16,4	45,0
От 100 до 150	6,0	148	23,5	14,5	58,5
От 150 до 200	5,1	153	24,6	12,3	54,6
От 200 и выше	3,5	158	29,5	18,7	50,4

Итак, мы видим, что убийства уменьшаются в крупных центрах по мере увеличения плотности их населения (например, в Милане, Неаполе, Ливорно и Генуе, несмотря на все разнообразие их населения и климата) и, напротив, более или менее правильно возрастают по мере уменьшения ее, особенно в жарких странах и на островах, где цивилизация находится, в общем, на очень низком уровне развития.

Напротив, число краж, изнасилований и сопротивлений властям возрастает по мере увеличения плотности населения, что особенно бросается в глаза в больших густонаселенных центрах.

Мошенничества неестественно колеблются почти всегда в обратном отношении к плотности населения, что объясняется среди прочего этническим влиянием, как, например, в провинциях Форли и Болонья, преступность которых давно уже вошла – как известно – в поговорку. Еще Данте сказал:

Не первый я болонец плачу тут;
Их понабилась здесь такая кipa...

Число краж естественно растет по мере увеличения плотности населения. Что же касается убийств и изнасилований, то они даются в наибольших пропорциях как при минимуме, так и при максимуме ее. Это противоречие объясняется тем, что там, где имеется наибольшая плотность населения, находятся и крупнейшие центры промышленности (например, департамент Нижняя Сена, 92), политические (Париж, 18) и иммиграционные (департамент Устье Роны, 45), среди населения которых чаще всего имеют место всевозможные ссоры и недоразумения. С другой стороны, местности с минимальной плотностью населения (как, например, Корсика – 200, Лозер – 41, департамент Верхние Альпы – 24) суть пункты наиболее низкого развития цивилизации, где убийство считается, как известно, необходимостью чаще, чем преступлением. В общем, этнический и климатический факторы ослабляют значение плотности населения, но последняя, несомненно, влияет на два вида преступления: на кражи, число которых сообразно ей увеличивается, и убийства, количество которых уменьшается.

Иммиграция. Эмиграция. Между Италией и Францией существует поразительный контраст в том отношении, что в первой из них убийства правильно уменьшаются сообразно увеличению плотности населения, между тем как во Франции они, как мы только что сказали, очень часто даже возрастают при этом. Противоречие это объясняется особенными условиями, имеющими место во Франции, именно иммиграцией в нее, совершенно отсутствующей в Италии. Благодаря этой иммиграции плотность населения известных местностей во Франции значительно увеличивается благодаря ежегодному приливу в нее 1,2 миллиона иностранцев, людей большей частью пожилого возраста, так или иначе легко вступающих на путь преступления.

2. Действительно, максимум убийств наблюдается в департаменте Устья Роны, являющемся центром наиболее значительной иммиграции, достигающей в год 50 тысяч человек (преимущественно итальянцев).

Из 40 тысяч арестованных в течение известного времени в Сенском департаменте только 13 тысяч оказались уроженцами его, остальные же все принадлежали к пришлому элементу. В департаменте Эро, в городе Сетте, как показывает статистика, из 10 осужденных только 3 принадлежат к коренному населению его. В 1889 году пропорция местных жителей составляла среди осужденных 2 %, а пришлых – 19 %. То же наблюдается и среди рабочего населения марсельского порта. По словам Жоли, наибольший контингент убийц и воров дают среди них именно приезжие.

Из 49 тысяч арестованных в Нью-Йорке в разное время лиц 32 тысячи оказались иммигрантами, а из 38 тысяч заключенных в североамериканских тюрьмах 20 тысяч происходили от иностранцев.

Во Франции число судимых в окружных судах составляет на 100 тысяч жителей:

8 – в коренном населении, живущем на месте

29 – среди французов, проживающих за границей

41 – среди иностранцев, проживающих во Франции.

К настоящему времени иммиграция во Франции утроилась, с 1851 по 1886 год она возросла с 380 381 до 1 126 183 человек.

Совершенно справедливо, замечает Жоли, что при слабой эмиграции из страны уходят только наиболее энергичные и интеллигентные люди, а сильный эмиграционный поток уносит обыкновенно вместе с хорошими людьми и много дурных. Действительно, значитель-

ная доля преступности иммигрантов наблюдается на окраинах государства, где всегда имеет место более или менее значительная эмиграция.

Точно так же и в самом Париже при равных пропорциях жителей бельгийская и швейцарская колонии дают в три раза более арестованных, чем английская и американская.

С другой стороны, замечен факт, что среди иммигрирующих наблюдается тем более преступлений, чем менее они оседают. Так, бельгийцы, натурализующиеся во Франции, дают меньший процент преступников, чем испанские эмигранты, проживающие в ней недолго.

Все сказанное относится и к внутренней эмиграции, совершающейся в пределах одной и той же страны. Так, при исследовании Сен-Годена, откуда ежегодно эмигрирует множество странствующих купцов (около 7 тысяч из 36 тысяч жителей), оказалось, что среди них наблюдается огромный контингент мошенников, насильников и убийц, и число этого рода преступников возросло с 41 в 1831–1869 годах до 300 в 1881. Точно так же стали среди них более частыми подкидыши, нарушения супружеской верности и разводы. В силу этого же департамент Крёз занимает видное место по преступности своего населения благодаря ежегодной иммиграции в него, достигающей 45 тысяч человек.

Многие из иммигрантов являются честными людьми в больших городах, но, не имея верного представления об условиях городской жизни, легко впадают вследствие этого в ошибки и постепенно доходят до преступления: молодая девушка, например, уступая первым соблазнам любви, становится проституткой; мастеровой, не находя работы, впадает в праздность и, окруженный дурными примерами и искушениями, превращается в вора. Помимо этих невольных жертв преступления известный контингент иммигрантов приезжает в большие города для преступной деятельности. «В маленьких городках, – справедливо замечает Жоли, – ищут случая совершить преступление, а в Париже, напротив, случай ищет человека».

Наконец, богатый класс населения дает известный процент преступников именно против нравственности.

Эмигрант, писали мы еще в 1876 году, представляет собой, в общем, особую человеческую разновидность с сильно выраженной склонностью к преступлениям, очень нуждающуюся, не знающую никакого стыда и легко ускользающую из рук правосудия. Все воры ведут большей частью кочевой образ жизни.

Абруцкие эмигранты составляли наибольший контингент в шайке Манчини.

В предыдущие столетия иммиграция часто совершалась исключительно с преступной целью. Так, например, шайка Фордиспини при возникновении своем состояла исключительно из сброда приезжих лудильщиков, продавцов свечей, жнецов, коробейников, людей более или менее запятанных преступлением.

Наконец, большое влияние на преступность имеет и эмиграция. Именно благодаря ей Италия так сильно отличается от Франции соотношением между количеством убийств и плотностью населения. Во Франции за последние 10 лет, с 1880 по 1890 год, число эмигрирующих достигает в среднем всего 11 163 человека в год, между тем как в Италии количество их в 1892 году было уже 246 751.

3. Рождаемость. Исследованиями об эмиграции разрешается в большей части своей другой вопрос, но совершенно различно для Италии и Франции. Известно, в частности, что число преступлений при одних и тех же плотностях населения должно зависеть от колебаний рождаемости, что кражи, например, возрастающие с плотностью населения, должны также увеличиваться с рождаемостью. Однако во Франции некоторые преступления, особенно изнасилования и убийства, умножаясь прямо пропорционально плотности населения, увеличиваются обратно рождаемости.

Во Франции малая рождаемость совпадает, как мы уже говорили, с наибольшей иммиграцией иностранцев. Именно ею и объясняется, по наблюдениям Жоли в Сетте и Марселе, высокая преступность этих мест, подвергающихся постоянной иммиграции генуэзцев и калабрийцев.

Другая разница в преступности населения данной местности зависит от того, какой элемент является преобладающим в ее населении: мастеровые отличаются, как известно, плодovitостью, чего совсем нельзя сказать про крестьянское население. Вследствие этого в местностях, где сильно развит рабочий элемент, как, например, в департаменте Нижняя Сена, в департаментах Нор и в Па-де-Кале, наблюдается также, сравнительно с департаментами Шер и Эндр, значительно большее число преступлений.

Но, в общем, всюду преобладает антагонизм между количеством преступлений и рождений, так что в Париже, в части Шампани и Нормандии и во всех средиземных департаментах, кроме Гарского, при резком падении рождаемости среди населения наблюдается значительное повышение преступности.

По словам Ги, департамент Тарн и Гаронна, очень бедный и изолированный, характеризуется сравнительно менее интенсивной преступностью, несмотря на рост населения в нем, между тем как в богатых и плодородных департаментах замечается, наоборот, быстрое уменьшение населения и увеличение числа преступлений при постоянном увеличении иммиграции.

Напротив, в Бретани, в департаментах Шер, Сена, Дром, Вьенна и Вандея, наблюдается очень много законных рождений и ранних браков, но мало преступлений.

Зависит это здесь не столько от рождаемости, сколько от иммиграции. Значение последней подтверждается обратным явлением, имеющим место в Италии, где – как уже замечено – ее вовсе нет, но где зато происходит довольно сильная эмиграция, достигающая 193 человек в год на каждые 100 тысяч населения.

Изучая по новейшим данным Боско влияние эмиграции на количество убийств в Соединенных Штатах в 1889 году, мы убеждаемся, что из содержащихся в тюрьме за убийство приходилось на 1 миллион населения местных уроженцев 95, а иностранцев – 138.

В Италии максимум рождений почти всегда наблюдается в тех провинциях, которые более всего известны своей преступностью и бедностью: так, ежегодное число рождений в Южной Италии и на островах за период времени с 1876 по 1888 год определено в среднем в 40 душ на каждую 1 тысячу человек населения, между тем как в остальной Италии число это равно только 36.

Точно так же и на острове Сицилия максимум рождений наблюдается в четырех провинциях, отличающихся наибольшей пропорцией убийств. Но здесь приходится считаться еще и с другой причиной, а именно с повышенным, благодаря жаркому климату, половым инстинктом.

Результаты сильной рождаемости в Южной Италии парализуются огромной смертностью и значительной эмиграцией, имеющими здесь место. Вот почему при исследовании, предпринятом в 1881 году, ни в одной семье не оказывалось в среднем более 4,10 человек в Сицилии и 4,5 в Базиликате, в то время как в Тоскане число их было равно 4,92, а в Венето – даже 5,17.

Из стран с минимальной рождаемостью незначительное количество убийств наблюдается в одной только Ирландии.

В Италии, Англии и Германии высокой рождаемости соответствует значительная пропорция краж, чего нельзя сказать о Венгрии и Швейцарии.

4. Городское и деревенское население. Влияние плотности населения на преступность подтверждается на жителях городов и деревень, и наиболее обстоятельные исследования в этом направлении принадлежат Файе, Соке и Лакассаню.

По их наблюдениям, число осужденных было больше среди деревенского населения, чем среди городского, в период с 1843 по 1856 год, но с 1863 года начинает преобладать в этом отношении последнее.

Деревенское население так сильно эмигрирует в города, что составляет в них пятую часть всего населения, а так как эмигрирует преимущественно лучшая и наиболее интеллигентная часть его, то результат этого сказывается в падении деревни. Положение дела усугубляется еще вредным и порочным влиянием на деревенское население возвращающихся обратно из города индивидов.

В общем, количество осужденных за преступления против собственности уменьшилось в деревне на две трети, а в городах – наполовину, так что в 1843 году осужденные в деревнях составляли 73 %, а в городах 64 %. В 1878-м в деревнях – 27 %, а в городах 36 %.

Деревенское население превосходило городское по числу осужденных за преступления против личности в течение 1823–1878 годов, но с 1859 года оно начало заметно уступать ему в этом отношении.

Соке доказывает, что в более отдаленные времена, в период с 1846 по 1850 год, деревенское население превосходило городское количеством осужденных за убийство почти втрое (20 и 7,6 %), но в позднейшие годы – в 1876–1880 годах – только вдвое: 63 и 31 %. Таким образом, оказывается, что в деревнях преступность этого рода уменьшилась, а в городах, наоборот, увеличилась почти на одну треть.

Осужденные за预умышленное убийство составляли:

	В деревнях	В городах
В 1846–1850 годах	72%	65%
В 1876–1880 годах	26%	31%

то есть количество этих убийств в последнее время уменьшилось как в городах, так и в деревнях.

По числу покушений на честь взрослых женщин крестьяне превосходят горожан, по-видимому, вследствие отсутствия в деревнях домов терпимости. Так, крестьянское и городское население дали в этом отношении следующие цифры:

	Крестьяне	Горожане
В 1846–1850 годах	74%	24%
В 1876–1880 годах	67%	27%

причем преступления этого рода, очевидно, уменьшаются среди первых и, напротив, увеличиваются среди вторых.

Что касается покушений на целомудрие детей, то:

	У крестьян	У горожан
В 1846–1850 годах	59%	39%
В 1876–1880 годах	53%	45%

что объясняется большей праздностью и злоупотреблением спиртными напитками среди деревенского населения.

Далее, горожане превосходят крестьян вдвое или даже втрое по числу выкидышей, но уступают им по количеству отцеубийств, очевидно, потому, что в городе легче найти соучастников в преступлении и труднее попасться. Осужденные за выкидыши составляли во Франции на 1 миллион населения:

	В деревнях	В городах
В 1851–1855 годах	9,3%	19,6%
В 1876–1880 годах	4,2%	14,4%

А осужденные за отцеубийство:

	В деревнях	В городах
В 1851–1855 годах	32%	21%
В 1876–1880 годах	35%	22%

Кривая преступлений против собственности доказывает, что экономические кризисы сильнее отражаются на деревнях, чем на городах.

Хлебные урожаи сильно влияют только на население деревень, в которых число осужденных в урожайные годы заметно увеличивается, но мало или даже вовсе не отражаются на городском населении.

Итак, город и деревня имеют каждый свою специфическую преступность: деревенские преступления отличаются дикостью и жестокостью, а мотивами их являются преимущественно месть, жадность, удовлетворение животного чувства. В городах преобладающими причинами преступлений являются праздность, лень, мошенничество и чувственность.

Особенно резко бросается в глаза высокий процент преступлений против собственности и относительно незначительное количество правовых преступлений среди населения собственно столиц.

Во Франции, например, Сенский департамент по числу убийств уступает (19,9 на 1 миллион жителей) окружающим департаментам Сена и Уаза (24,3), Уаза (25,8). Еще меньше пропорция наблюдаемых здесь детоубийств. Что же касается краж и растления детей, то эти преступления достигают огромных цифр.

В Италии крупные центры, такие как Турин, Венеция, Генуя, Неаполь, Палермо, Болонья и Рим, превосходят соседние провинции по числу преступлений против общественного порядка и нравственности. Что же касается убийств, то первое место по числу их занимает Рим и отчасти Турин по причинам, о которых мы скажем впоследствии; во всех же других крупных городах количество их постоянно падает.

В Вене насчитывается 10,6 убийств на 1 миллион населения, а в остальной Австрии – 25, но зато число краж в ней – 116, а в провинции – 113.

В Берлине преступления против собственности, кражи, мошенничество и бродяжничество заметно уменьшились с 1818 по 1878 год, несмотря на громадный рост населения, между тем как преступления против личности за это время увеличились, исключая 1870 год. Но число их в столице Пруссии все-таки меньше (11,6 на 1 миллион жителей), чем в провинции (в Бреславле – 18,2; в Магдебурге – 12; в Констанце —16). По числу краж Берлин оставляет далеко позади себя все другие прусские города.

Еще более поразительные цифры наблюдаются в Англии. На каждые 100 тысяч населения приходится 3–4 подозрительных дома в Лондоне, 3,9 – в провинции и 18 – в других городах Англии.

Глава 6

Питание. – Неурожай. – Цены на хлеб

1. Факторами, значительно ослабляющими и даже уничтожающими влияние климата на преступления, являются плотность населения и условия питания его.

Сопоставляя, по Эттингену, преступления в Пруссии с колебаниями цен на предметы потребления первой необходимости, мы приходим к заключению, что на ежегодное число первых влияет (столько, сколько и цивилизация, если не больше) питание населения. Зависимость между последним и преступностью выражается в том, что по мере падения цен на хлеб уменьшаются преступления против собственности (кроме поджогов) и, напротив, увеличиваются преступления против личности, особенно же изнасилования, как это видно из следующих цифр:

Годы	Изнаси- лования	Поджоги	Преступления против собственности	Преступления против личности	Цена пшеницы, ржи, картофеля и прочих продуктов
1854	2,26	0,43	88,41	8,90	271,1
1855	2,57	0,46	88,93	8,04	252,3
1856	2,62	0,43	87,60	9,32	293,3
1857	4,14	0,53	81,52	13,81	156,3
1858	4,45	0,60	77,92	17,03	149,3
1859	4,68	0,52	78,19	16,63	150,6

В Пруссии в 1862 году, когда цена на картофель была очень велика, преступления против собственности составляли 44,38, а против личности – 15,8 от общего числа всех преступлений. Когда же цена упала, то соответственно этому преступления первого рода уменьшились до 41, а второго – возросли до 18.

Неурожай 1847 года был причиной увеличения в Пруссии среднего числа преступлений против личности на 24 %.

Еще более убедительны цифры, собранные Старком для Пруссии и охватывающие 24-летний период, а именно с 1854 по 1878 год.

Одно преступление приходится в среднем на следующее количество населения	Годы с высокой ценой за хлеб (больше 12 за 50 кг)	Годы с низкой ценой за хлеб (меньше 10 за 50 кг)	Годы с ценой от 10 до 12 за 50 кг
Кражи вообще	1,990	2,645	2,512
Кражи леса	50,8	48,2	49,5
Мошенничества	76,285	71,787	68,600
Банкротства	77,600	56,300	56,100
Преступления против государств. порядка	4,282	3,587	3,005
Поджоги	68,328	46,960	71,666
Причинение поврежд.	37,328	54,563	45,933
Убийства	109,937	118,225	95,900
Детоубийства	230,700	227,000	227,000

Отсюда видно, что если цены на хлеб влияют в общем на преступления, то в частности влияние это больше всего отражается на кражах леса, максимум которых соответствует максимальной стоимости хлеба. С другой стороны, очевидно, что наиболее низкие цены на хлеб, указывающие на максимум благосостояния, совпадают с увеличением числа пожаров, драк и убийств, что может быть объяснено только большим злоупотреблением спиртными напитками вследствие дешевизны хлеба.

Средние цены на хлеб соответствуют наибольшему распространению мошенничеств, банкротств и преступлений против государственного порядка.

По графическим таблицам Корра мы видим, что во Франции начиная с 1843 до 1883 года кривая преступлений – почти исключительно против собственности и самоубийств – постоянно возрастает и до 1865 года идет почти параллельно кривой хлебных цен; с этого времени она с ней расходится, все еще продолжая увеличиваться, между тем как вторая кривая падает, вероятно вследствие влияния на нее каких-нибудь особенных обстоятельств. Что касается тяжелых преступлений, то они не имеют, по-видимому, никакой связи с ценами на хлеб.

Росси приходит к тем же заключениям в своем исследовании преступности в Риме в течение 1875–1883 годов в зависимости от атмосферного тепла и цен на хлеб. Оказалось, что число преступлений против собственности (за исключением квалифицированных краж и грабежей) напрямую зависело одновременно от зимних холодов и цен на хлебные продукты. Так, в Риме в течение указанных девяти лет максимальное число этого рода преступлений (70 738) наблюдалось в 1880 году, когда цены на хлеб были очень высоки и зима стояла суровая. В 1877 году, когда хлеб также был дорог, но зима была необыкновенно мягкая, число преступлений достигло только 61 498. Далее, в 1881 году при значительном понижении цен на хлеб и при теплой зиме число преступлений против собственности резко уменьшилось с 70 738 до 59 815. Это падение продолжалось в 1882 и 1883 годах, когда цены на хлеб были низкие и зимы стояли несуровые. Что касается побоев и увечий и других преступлений против личности, то на них в течение 1875–1883 годов незаметно было никакого влияния температуры, между тем как при всяком поднятии цен на хлеб число их, напротив, уменьшалось, и наоборот.

Но самым убедительным является, несомненно, соотношение между преступлениями и количеством рабочих часов, необходимых на то, чтобы добыть эквивалент одного кило-

грамма хлеба, на котором основываются обыкновенно при сравнении хлебных цен с колебаниями заработной платы.

1. Отсюда мы видим, что все преступления против собственности, кроме пожаров, отчасти грабежей и особенно тех, которые сопровождаются убийствами, очень точно следуют (если этому не препятствуют какие-нибудь очень могущественные факторы) за кривой рабочих часов, необходимых рабочему человеку для добывания эквивалента одного килограмма муки или хлеба; и что в период 1875–1877 годов с увеличением этого числа рабочих часов кражи возросли с 137 до 153 и, напротив, упали с 184 до 111 в течение 1879–1888 годов с их уменьшением. Между обманами в торговле, мошенничествами и тому подобными преступлениями и количеством рабочих часов не наблюдается никакого соотношения.

Что касается преступлений против личности, обязанных своим происхождением большей частью злоупотреблению спиртными напитками, то это зависит от цены на хлеб, а количество драк и повреждений, независимо от цен на хлеб, подвергается сильным колебаниям, причем максимум их и минимум приходится на такие годы, в которых разница в ценах на хлеб была совершенно ничтожна.

2. Преступления против нравственности увеличиваются по мере уменьшения рабочих часов: с 1881 по 1888 год, когда число их упало со 122 до 92, количество этого рода преступлений увеличилось с 3,11 до 5,25.

3. Преступления против государственной безопасности, а именно против властей, общественного порядка и прочего, весьма мало подчиняются этому влиянию.

Статистический материал Форнасари ди Верче за 50 лет относительно Великобритании и Ирландии дает приблизительно те же отношения между преступлениями и колебаниями цен на хлебные продукты, а именно:

1. Преступления против собственности, не сопровождающиеся насилием, чаще всего увеличиваются с поднятием цен на хлеб, как это было в течение 1846–1847 годов, когда они с 19 510 возросли до 29 571. Годы с 1870 по 1873 представляют собой исключение в этом отношении, так как в этот период времени преступления эти уменьшились, несмотря на повышение хлебных цен. С другой стороны, с падением цен на хлеб преступления этого рода всегда уменьшаются, как мы это видим в 1847–1852 годах, когда цена хлеба упала с 50 до 40, а преступления уменьшились с 23 910 до 21 306, и в 1857–1858 годах, когда они с 23 917 упали до 20 619.

2. Преступления против собственности, сопровождающиеся насилием, не зависят, по-видимому, от цен на хлеб. Так, мы видим, что число их уменьшается в период времени с 1842 по 1845 годы и в 1862–1863 годах вместе с падением цен на хлеб, и увеличивается в 1881–1886 годах, хотя цены на хлеб были в это время очень низки. Но в общем можно сказать, что с вздорожанием хлеба они чаще всего увеличиваются, как это было в 1845–1847 годах, когда с 1491 они поднялись до 1732, и в 1867–1868 годах, когда они с 1940 возросли до 2253.

3. Преступления против собственности со взломом не находятся в очевидной связи с ценами на хлеб. Они уменьшились в числе в 1841–1845 годах и 1883–1884 годах, в течение которых держались низкие цены на хлеб, и увеличились в период 1852–1855 и 1862–1863 годов, несмотря на то что хлеб и в эти годы был так же дешев.

4. Мошенничество и сбыт фальшивых монет также, по-видимому, несколько не подчиняются влиянию хлебных цен. Они то увеличиваются, то уменьшаются во время низких хлебных цен, существовавших в 1842–1845, 1848–1852 и 1884–1888 годах.

5. То же следует сказать о преступлениях против личности.

Относительно Нового Южного Уэльса, который дает нам представление о Европе XIX столетия, мы, по исследованиям Кохлана и Форнасари, приходим к тем же заключениям.

Что касается преднамеренных убийств, то вряд ли можно говорить о влиянии на них количества потребления хлеба. Так, например, максимум потребления хлеба (7,1 в 1881 году)

соответствует максимальному числу этого рода убийств (31), между тем как минимумы их и средние цифры далеко не совпадают друг с другом.

Между случайными убийствами и потреблением хлеба существует как бы обратное отношение, а именно: максимум последнего 7,8 (1887) соответствует минимуму первых – 7, а минимум потребления 5,5 (1891) – максимуму их – 25.

Количество потребляемого хлеба не оказывает также никакого заметного влияния на число повреждений, максимум которых – 102 (1886) и минимум – 61 (1884) совершенно не соответствуют его максимальным и минимальным цифрам.

Что касается изнасилований, то их максимум – 41 (1886) соответствует средней цифре потребления хлеба – 6,1, а минимум – 7 (1887) – его минимуму.

Влияние потребления хлеба особенно заметно отражается на кражах: число последних уменьшается или увеличивается, хотя и не всегда пропорционально, по мере увеличения или уменьшения его. Так, в 1883, 1884, 1885 годах потребление хлеба последовательно растет – 6,0–6,8 – 7,0 и соответственно этому уменьшается последовательно число краж – 714–583 – 566, а в 1888, 1889, 1890 годах замечается неравномерность в потреблении хлеба – 7,6–5,9 – 7,2 и соответственно этому наблюдаются скачки и в числе краж 592–608 – 512.

Голод заглушает половые инстинкты, в то время как довольство и изобилие, напротив, возбуждают их. Недостаточное питание побуждает к воровству, а чрезмерное, ослабляя воровство, благоприятствует изнасилованиям. Таково же влияние и недостаточной заработной платы. Известно, что больше всего совершают преступления вследствие вздорожания пищевых продуктов именно женщины и слуги, вероятно, потому, что те и другие более всего страдают от этого. Особенно это следует сказать о слугах, которые, благодаря периодическому существованию в довольстве, быстро теряют способность противостоять лишениям.

Но, допуская значение недостаточного питания в увеличении числа краж, а изобильного – в возрастании количества преступлений против нравственности и повреждений, мы все-таки не можем отрицать ничтожного влияния его на преступность вообще, ибо если известного рода преступления увеличиваются при тех или иных условиях питания, то другие уменьшаются при них, и наоборот. Помимо этого, даже в одном и том же постоянном направлении питание не может существенно влиять на пропорцию известных преступлений, ибо при этом нельзя исключить значение таких факторов, как наследственность, климатические условия и т. д.

Временами замечается странное противоречие в том обстоятельстве, что при дороговизне хлеба и недоступности, при отсутствии денег, спиртных напитков уменьшаются и убийства, и случаи изнасилований. Но чаще случается как раз наоборот: именно недостаток денег увеличивает число убийств, как это наблюдается, например, в Новом Уэльсе. По словам Жоли, департаменты Морбиан и Вандея считаются первыми по нравственности своего населения. Несмотря на то что заработки его там почти несколько не увеличились, а предметы первой необходимости удвоились в цене, среди населения их все-таки мало распространено употребление спиртных напитков. В департаментах Устье Роны и Эро заработная плата, напротив, увеличилась на 30 и 60 %, а хлебные продукты вздорожали всего на 15 %, и тем не менее оба этих департамента занимают последнее место по нравственности своего населения именно благодаря чрезмерному распространению спиртных напитков.

Несомненным остается факт, что неурожаи становятся все более редкими и незначительными, в то время как кражи все более и более учащаются.

Отсюда понятно, почему пропорция преступлений, обязанных своим происхождением недостаточности питания, то есть действительной нужде, более ограничена, чем это вообще можно было бы предполагать. По статистическим данным Куэре, кражи съестных припасов составляют едва одну сотую часть общего числа краж, причем случаев, где мотивом преступления является именно голод, значительно меньше, чем тех, где причиной его

служит обжорство и лакомство. Из 43 случаев воровства в Лондоне в 13 предметами кражи являются колбасы, птица и дичь, а в 30 – сахар, мясо и вино, и только в одном случае – хлеб.

По вычислениям Жоли, во Франции за период с 1860 по 1890 год случаи похищения денег, банковских ценностей значительно преобладали, составляя 39600 преступлений против собственности, а кражи муки, овса и домашних животных не превышали 5500. Точно так же и Маса выражается на этот счет следующим образом: «Голод в общем редко является причиной воровства. Молодые люди обыкновенно воруют ножи и сигары, а из съестных припасов мужчины похищают преимущественно крепкие напитки (ликеры), а женщины – конфеты и шоколад».

То же можно сказать и о проститутках. Если, с одной стороны, говорит Локателли, голод и беспризорность часто толкают девушку на путь разврата, то с другой – нужно раздать тысячам девушек из народа Монтионовские премии⁶ за то, что они, несмотря на всевозможные лишения и соблазны, остаются все-таки честными и невинными.

Нет ничего невозможного в том, что с течением времени не было доказано специальное влияние той или другой пищи на тот или другой род преступления. Ведь мы знаем, что растительная пища делает людей кроткими и послушными, между тем как люди, питающиеся преимущественно животной пищей, становятся, наоборот, грубыми и жестокими. Именно родом пищи и обуславливаются кротость и терпеливость жителя Ломбардии сравнительно с мстительностью и склонностью к насилиям романского крестьянина.

2. Восстания. Влияние голода на восстания слишком преувеличено, как я доказал это в своей «Политической преступности».

Фаралья приводит цены на съестные припасы почти за целых девять столетий из года в год. Мы находим у него, что за это время было 46 сильных голодовок в следующие годы: 1182, 1192, 1257, 1269, 1342, 1496–1497, 1505, 1508, 1534, 1551, 1558, 1562–1563, 1565, 1570, 1580, 1586–1587, 1591–1592, 1595, 1597, 1603, 1621–1622, 1623–1625, 1646, 1672, 1694–1697, 1759–1760, 1763, 1790–1791, 1802, 1810, 1815–1816, 1820–1821.

Оказывается, что в течение этих девяти столетий голод совпадал с восстаниями всего только шесть раз, а именно в 1508, 1580, 1587, 1595, 1621–1622 и 1820–1821 годах. В знаменитом восстании Мазаньелло (1647) к экономической подкладке его присоединилось множество других причин, таких как сумасшествие самого зачинщика, жара, жестокие притеснения испанцев и др., ибо если в 1646 году и был голод, то следующий 1647 год отличался обилием если не хлеба, то фруктов, мяса, свинины и сыра. Впрочем, мы знаем, что восстаний и возмущений не было ни во время ужасного голода 1182–1187 годов, длившегося 5 лет, во время которого люди вынуждены были питаться дикими травами, ни в 1496–1497 годах, когда из-за голода появились такие ужасные эпидемии, что жители городов бежали от них в деревни, ни во время голода 1565 года, ни в 1570 году, когда «жители, спасаясь от голода, оставляли деревни и, голодные, оборванные, больные, направлялись толпами в Неаполь, заполняя его улицы», ни, наконец, во время голода 1568 года. Кроме того, необходимо припомнить еще, что если во Франции в 1827, 1832 и 1847 годах и были политические беспорядки параллельно с экономическими кризисами и голодовками, то они совпадали с необыкновенно знойными летами, и что на бунты 1834, 1864 и 1865 годов, по-видимому, не имели никакого влияния ни экономические, ни метеорологические причины.

В Страсбурге в течение времени с 1451 по 1500 год и с 1601 по 1625 год цена на мясо поднялась на 134 %, на свинину на 92 %, при длившемся в течение многих лет падении заработной платы на 10 %, и при всем том никаких беспорядков и бунтов здесь не было.

⁶ Монтионовская премия – общее название французских премий за добродетель (*prix de vertu*), а также за сочинения на пользу нравственности, созданных филантропом, бароном Антуаном Оже Монтионом (1733–1820), и присуждаемых Французской академией и парижской академией наук.

Во время ужасного голода 1670 года в Мадриде рабочие расхаживали по городу огромными бандами, грабя и убивая богачей, так что редкий день проходил без того, чтобы люди не платили своей жизнью за то, что имели хлеб. Между тем до настоящего восстания дело не дошло.

В Индии лучше, чем где-нибудь, можно проследить шаг за шагом все последствия ужасного голода. Так, из-за голода погибло в Ориссе в 1865–1866 годах 25 % всего населения, а в Пури – даже 35 %, но открытого возмущения и бунта все-таки нигде не было.

Наиболее известные в последние 100 лет голодовки, по крайней мере в провинции Неллору, вследствие постоянного отсутствия дождей и чрезмерной плотности населения имели место в следующие годы: 1769–1770, 1780, 1784, 1790–1792, 1802, 1806–1807, 1812, 1824, 1829, 1830, 1833, 1836–1838, 1866 и 1876–1878.

Во время 1869–1870 годов здесь погибла почти треть всего населения, а в 1877–1878 умерло из 5 миллионов жителей более 200 тысяч. И однако, несмотря на все эти голодовки, они нигде никакими беспорядками не сопровождались.

Большое восстание в Индии 1857–1858 годов явилось следствием преимущественно сопротивления населения нововведениям цивилизации (телеграфу, пару и т. п.), затем вследствие заговоров различных князьков, лишенных власти, и, наконец, как утверждает Хантер, благодаря распространившемуся среди бенгальских сипаев слуху, что будто бы приказано смазывать патроны свиным салом. Таким образом, влияние суеверия на политические преступления оказалось более могущественным, чем действие продолжительного голода.

Другие известные нам восстания в Индии, как, например, бунт в Богале в 1751 году, бунт пенджабской секты Шик в 1710 году, сипаев⁷ – в 1764, мятежи сект синтов и шиков в 1843 и 1848 годах, не имели в действительности никакой связи с дороговизной съестных припасов.

Что удивительнее всего, так это то, что в штате Орисса, больше других страдавшей всегда от голода, постоянно наблюдалось меньше всего восстаний.

Это объясняется тем фактом, доказанным уже при изучении влияния тропического и полярного климата, что жара делает человека не способным к более или менее энергичной деятельности.

Таким образом, с точки зрения политических преступлений крайние степени бедствий и несчастий имеют гораздо более благоприятное влияние на человека, чем довольствие и счастье. Это вполне совпадает с отмеченным уголовными статистиками обстоятельством, что во время голодовок и сильных морозов уменьшаются иногда преступления против личности вообще и в частности изнасилования и преднамеренные убийства.

⁷ Сипаи – наемные солдаты в колониальной Индии (XVIII–XX век), рекрутировавшиеся европейскими колонизаторами, чаще всего англичанами, из среды местного населения.

Глава 7

Алкоголизм

Как мы уже видели в предыдущей главе, влияние алкоголя на преступления нераздельно связано с влиянием питания вообще, и значение его в этиологии преступлений чрезвычайно велико.

Вредное влияние алкоголя. Известно, что алкоголь не только не предохраняет организм от действия крайних температур, а, напротив, даже увеличивает опасности их. Солдаты и матросы в полярных и тропических странах, употребляющие крепкие напитки с целью противодействия чрезвычайно резкому холоду или сильной жаре, тем самым еще более ухудшают свое положение. Во время холерных эпидемий было замечено, что пьяницы заболевают в несравненно большем количестве, нежели люди непьющие. Среди непьющих смертность от холеры достигает 19,9 %, а среди пьяниц – 91 %.

Равным образом и выкидыши значительно чаще встречаются у пьющих женщин, так что плодovitость их в четыре раза меньше, чем тех, которые ведут трезвый образ жизни. Алкоголь, возбуждая роковым образом чувственность, является частой причиной изнасилований и преступлений, хотя он несколько не увеличивает в то же время плодovitости. Браки пьяниц дают в среднем 1,3 ребенка, а непьющих – 4,1 ребенка.

1. Распространенность злоупотребления алкоголем побудила недавно предпринять в Швеции среди войск ряд реформ с целью борьбы со слабостью и огромной заболеваемостью. Последняя достигла в 1867 году 32 %, но в 1868, после издания закона об алкоголе, упала до 28 %.

В округах Франции, где из-за недостатка вина население употребляет водку, как, например, в департаменте Финистер, число непригодных к военной службе молодых людей поднялось с 72 до 155 человек.

Алкоголь влияет также на рост людей. Известно, что поляки отличались некогда большим ростом, но после долгого злоупотребления спиртными напитками начали вырождаться в людей ниже среднего роста. Точно так же и красавицы долины Бий стали терять свою красоту и рост, с тех пор как между ними распространилось пьянство.

После всего сказанного не должно казаться удивительным, что алкоголь уменьшает среднюю продолжительность жизни. По вычислениям Нейсона оказывается, что смертность среди пьяниц по крайней мере в 3,25 раза превосходит смертность среди людей непьющих. Продолжительность жизни молодого человека 20 лет, начавшего пьянствовать, определяется приблизительно в 15 лет, а непьющего – в 44 года. Средняя продолжительность жизни лиц, злоупотребляющих пивом, равна 21,7 г., спиртом 16,7, спиртом и пивом 16,1. Из 97 детей, рожденных от алкоголиков, только 14 оказались здоровыми.

2. Пауперизм. Одним из самых очевидных и роковых последствий алкоголизма является нищета. От отца-алкоголика является на свет слепое, хромое, паралитическое и вообще болезненное потомство; если даже оно богато, то неминуемо беднеет, а если бедно, то лишено возможности трудиться и потому обречено на нищенство.

Замечено, что с увеличением заработной платы населения сильно возрастает число пьяниц и количество совершаемых ими преступлений. Когда в Ланкашире поденный заработок рудокопов поднялся с 6 до 8 и 11 франков, смертность от пьянства возросла между ними с 495 до 1304 и 2605, а число преступлений – с 1335 до 3878 и 4402. Но несравненно хуже, если падает заработная плата: тогда люди начинают пьянствовать с целью пополнить недостаток в пище и одежде, для того чтобы утолить свой голод и согреться. Алкоголь делает все более и более слабым и бедным того, кто начинает к нему прибегать. Таким образом,

мы можем сказать, что алкоголизм имеет место столько же при благосостоянии, сколько и при бедности и нищете населения. В 1874 году вследствие кризиса в Америке было закрыто 80 фабрик, и заработок рабочих сразу уменьшился на одну треть: число нищенствующих семейств поднялось тогда с 1864 до 2255, число кабаков с 183 до 305, а количество проституток с 37 возросло до 101, между тем как число браков уменьшилось с 785 до 630. Вместе с тем увеличилось заметным образом и число краж и поджогов. Во время неурожаев 1860 и 1861 годов в Лондоне ни один из 7900 членов общества трезвости не обращался к общественной благотворительности. С 1823 по 1826 год филадельфийские богадельни принимали ежегодно от 4 до 5 тысяч лиц, впавших в нищету вследствие пьянства. Из 3 тысяч нищих Массачусетса около 2900 стали ими от злоупотреблений спиртными напитками.

Гюйш полагает, что из каждых 100 фунтов стерлингов, раздаваемых в виде милостыни, 30 уходит на водку. Бертран и Ли приходят к заключению, что самыми бедными общинами являются те, где очень распространено пьянство и где число питейных домов очень велико. Верхняя Силезия является поразительным доказательством губительного влияния алкоголя: бедность достигала там одно время таких размеров, что жители умирали от голода, а пьянство было так распространено, что брачные пары являлись к венцу, а родители новорожденных – к крещению своих детей совершенно пьяными. Один проповедник писал о Силезии: «Там, где царствует такое пьянство, бедность и порок следуют, как тени, за человеком».

Известно, что алкоголизм был некогда в Германии одной из самых частых причин разлучения и развода супругов в ней, достигающих 2–6 % всех браков. С другой стороны, также известно, что дети, рожденные от разведенных и вторично вступивших в супружество родителей, обыкновенно составляют огромный контингент преступников и проституток.

3. Алкоголизм и преступность. Статистика. Тесная связь между алкоголизмом и преступностью с социальной и патологической точек зрения прежде всего подтверждается статистическими данными, свидетельствующими о постоянном увеличении числа преступлений в цивилизованных странах. Увеличение это только до известной степени (13–16 %) зависит от прироста населения, преимущественно же оно является следствием пьянства.

Другое блестящее подтверждение этой связи мы находим в работах Ферри о преступности во Франции, указывающих на полную параллельность, существующую между ней и потреблением алкоголя и вина, как в годы обильных урожаев (1850–1858–1865–1869–1875), так и в неурожайные годы (1851–1853–1854–1866–1867–1873). Исключением отсюда является только 1870 год – год войны, 1876 и 1860–1861 годы. Параллельность эта тем более любопытна и странна, что многие авторы пытались приписать вредное влияние пьянства не вину, а алкоголю, так что появилась даже мысль о замене последнего вином в странах, в которых обычно наблюдается наибольшая преступность. Из статистики же Ферри следует, что соответствие между убийствами и большим количеством наносимых ран и повреждений с одной стороны и алкоголем с другой не так очевидно, как между этими преступлениями и вином, исключая, впрочем, годы с 1855 по 1868 и с 1873 по 1876. Это очень хорошо объясняется тем обстоятельством, что ссоры и драки гораздо легче возникают в погребах виноторговцев, чем в лавках у продавцов водки, где покупатели обычно остаются недолго. Другое подтверждение этого мы находим в повседневном наблюдении, доказывающем, что чаще всего повторяются те преступления, которые являются именно следствием злоупотребления вином. Так, Шретер приходит к заключению, что в Германии из 2178 преступлений 58 % имели место по субботам вечером, 3 % – по воскресеньям и только 1 % – по понедельникам. В эти дни преобладали, в размере 82 %, преступления против нравственности, сопротивление властям и поджоги, а 50 % приходилось на долю обманов и мошенничеств.

Рассматривая уголовную статистику Франции за 1827–1869 годы, Ферри нашел, что в то время как число преступлений против личности вообще падало в ней быстро начиная с

августа до декабря, количество тяжких ран и увечий, наоборот, возрастало в ноябре, то есть во время приготовления нового вина.

Диксон нашел в Америке местность, где в течение уже многих лет не наблюдается никаких преступлений. Это Сент-Джонсбери – городок, населенный довольно большим количеством рабочих. Здесь законом воспрещена продажа крепких напитков, вина и пива, которые, как яды, имеются только у фармацевтов и отпускаются ими всегда не иначе как по письменным требованиям потребителей, подписанным еще и мэром. Имена нарушителей означенных постановлений заносятся там в особые списки.

По вычислениям бельгийских ученых, алкоголь является в Бельгии причиной преступлений в 25–27 %.

В Нью-Йорке из 49 423 осужденных 30 509 были привычными пьяницами. В Соединенных Штатах из 100 отбывавших заключение в тюрьмах в 1890 году было 20 горьких пьяниц, 60 – пивших умеренно и только 20 – вовсе не пивших.

В Голландии злоупотреблению вином приписывается 4/5 всех преступлений, 7/8 общего числа драк и полицейских нарушений, 3/4 покушений против лиц и 1/4 покушений на чужую собственность.

В Швеции три четверти всех преступлений происходит по причине алкоголизма. Убийства и другие кровавые драмы совершаются чаще всего в состоянии опьянения, между тем как в кражах и мошенничествах играет значительную роль наследственность от родителей-алкоголиков.

В Англии 10 тысяч из 29 752 лиц, осужденных уголовными судами, и 50 тысяч из 90 903, приговоренных к разным наказаниям обыкновенными судами, совершили свои преступления вследствие частого посещения кабаков.

Во Франции Кулеман определяет в 50 % число преступлений, совершенных под влиянием алкоголя, а для Германии Бауэр считает его равным 41 %.

Самое большое количество пьяниц наблюдается в департаментах, в которых вследствие незначительного развития виноделия население употребляет много алкоголя. 73 % преступников, которых наблюдал Марро, были отчаянные пьяницы, и только 10 % из них были люди непьющие.

В описанной мной «преступной сотне» Росси нашел 81 % пьяниц, из числа которых 23 % предавались этому пороку уже с детства. Среди взрослых пьянство распространено сильнее, чем между молодыми людьми, только на 10 %.

Из 100 преступников моложе 20 лет пьяниц оказалось 64, так что пьянство – порок, свойственный в значительной степени и молодому возрасту.

4. Действие алкоголя. Не подлежит сомнению, что все вещества, ненормальным образом возбуждающие головной мозг, рано или поздно приводят к преступлению, самоубийству и помешательству.

Меджидубы и айсаоны, которым совершенно неизвестны наркотические средства, приводят себя в состояние, похожее на опьянение, при помощи продолжительных колебательных движений головой. «Это люди, – говорит о них Бербруггер, – опасные, жестокие, склонные к воровству». У курильщиков опиума часто развивается страсть к убийству. Моро рассказывает, что под влиянием гашиша он испытывал непреодолимое желание украсть что-нибудь. Еще губительнее действие вина и особенно алкоголя, который по своему вредному влиянию может быть назван концентрированным вином, равно как и других крепких напитков вроде абсента и вермута, содержащих, кроме алкоголя, еще и другие вредно действующие на нервные центры вещества.

Нойман в 1876 году доказал, что алкоголь изменяет гемоглобин крови и уменьшает на $\frac{1}{4}$ сродство красных кровяных шариков к кислороду, вызывая активный прилив крови к тканям и мозговой коре. При продолжительном употреблении его появляется расширение

сосудов, паралич мышц сосудистых стенок, отек и, наконец, жировое перерождение раздраженных мозговых клеток.

Крепелен доказал, что 30–45 граммов абсолютного этилового алкоголя замедляют и даже парализуют все духовные функции организма: отупение и оцепенелость, напоминающие собой физиологическую усталость, увеличиваются по мере увеличения дозы принятого алкоголя и длятся от 40 до 50 минут при малых и от 1 до 2 часов при больших количествах его. При небольших дозах алкоголя паралическому ослаблению духовных функций предшествует период большего или меньшего возбуждения нервной системы, который длится не более 20–30 минут.

Этот же ученый доказал, что если под влиянием алкоголя и наблюдается известное, быстро проходящее возбуждение в двигательной сфере, то при этом умственная деятельность, апперцепция, концепция и ассоциация идей даже от самых малых доз его замедляется и почти приостанавливается. То же самое следует сказать и о чувствах и ощущениях. Таким образом, это первоначальное возбуждение, производимое алкоголем, есть, так сказать, фейерверк, обязанный своим происхождением преимущественно усилению внешних ассоциаций идей (ассоциаций слов, ощущений и прочего) в ущерб внутренним, более логическим и более глубоким ассоциациям.

Под влиянием возбуждения, вызванного алкоголем, у пьяного появляются иллюзии и склонность к самым зверским поступкам: ассоциация идей у него изменяется, и он делается способным беспрестанно повторять одни и те же слова и поступки, не замечая их грубости и пошлости. Объясняется это тем, что под влиянием этого возбуждения у него парализуются функции задерживающих центров.

Таким образом, алкоголь, возбуждая и направляя в дурную сторону деятельность своей несчастной жертвы, мало-помалу совершенно овладевает ею, парализуя ее лучшие и благороднейшие чувства и болезненно изменяя ее центральную нервную систему. Алкоголь может служить новым доказательством истинности той аксиомы, что преступление есть следствие болезненного изменения организма, преимущественно головного или спинного мозга.

К сожалению, преступление является наиболее постоянным и частым следствием этого болезненного состояния, чему у нас множество доказательств. Я недавно видел в тюрьме очень редкий экземпляр вора, некто Р., ни воспитание, ни физическая организация которого нисколько не объясняли причин подобной преступности его, но все стало понятным, когда субъект этот заявил, что его отец и сам он – пьяницы. «Видите ли, – говорил он, – я с самого детства пристрастился к водке, и теперь я выпиваю в день от 40 до 80 рюмок; мое опьянение от водки проходит, если я выпью две-три бутылки вина».

Пьяницы не только постоянно совершают преступления против нравственности, но и производят на свет психически ненормальных или преступных и преждевременно испорченных детей, что мы лучше всего докажем на примере семейства Джуке. Острое опьянение также часто ведет к преступлениям. Галль рассказывает про одного разбойника, называвшегося Петри, который в пьяном виде испытывал всегда желание убить кого-нибудь, и упоминает об одной женщине из Берлина, жаждавшей крови всякий раз, когда она напивалась пьяной.

Итак, алкоголь является очень частой причиной преступлений, потому что одни совершают их из-за того, чтобы напиться, другие – в состоянии опьянения, а третьи в вине ищут средство приободрить себя, готовясь к исполнению задуманного преступного предприятия, и потом в нем же находят оправдание совершенного. Наконец, большинство молодых людей вовлекаются в преступления именно благодаря пьянству. Кабаки служат обыкновенно местом свиданий соучастников задуманных преступлений, и в них же преступники пропи-

вают деньги, добытые своими злодеяниями. Число кабаков Лондона, посещаемых исключительно ворами и проститутками, в 1880 году достигло 4938.

Наконец, алкоголь находится в прямой связи с преступлением еще и в том смысле, что всякий преступник, пробывший более или менее долгое время в тюрьме, совершенно порвавший сношение со своими родными и потерявший всякое представление о порядочности, ищет часто в спиртных напитках забвения. Вот почему среди рецидивистов так распространено пьянство и почему Мэйхью находил после обеда пьяными всех лондонских воров, умирающих от алкоголизма обыкновенно на 30–40-м году жизни.

То же наблюдается среди ссыльных в Нумее, которые пьянствуют не только в силу давней привычки, но также с целью забыть свой позор, разлуку с семейством, родиной, причиняемые надзирателями и товарищами мучения, а также угрызения совести. Вино вполне заменяет им деньги, на него они покупают себе все: рубаха стоит у них литр, сюртук – два литра, панталоны также два литра и т. д.

5. Специфическая преступность. Здесь мы займемся рассмотрением тех преступлений, на которые алкоголь оказывает влияние особенно сильно.

Наиболее частые преступления – нанесение побоев, причинение увечий, преступления против нравственности и возмущения; за ними по частоте следуют убийства и, наконец, поджоги и кражи. Но последний род преступлений встречается чаще, чем другие, у привычных пьяниц. Менее часты случаи обманов и мошенничеств, ибо для подобной деятельности необходимо, как говорили мне многие мошенники, «иметь здоровую голову, и чтобы она находилась притом на месте».

На 3 тысячи осужденных, исследованных Марамбо, пьяниц оказалось 78 %, несколько больше – 79 % – бродяг и профессиональных нищих, убийц было 50 %, осужденных за поджог – 57 %, за преступления против нравственности – 53 %, за воровство и мошенничество – 71 %. В общем преступления против личности составляли 88 %, а против собственности – 77 % всех преступлений.

Марро в своих исследованиях приходит к заключению, что среди пьяниц наибольший процент дают разбои, именно 82 %; за ними идут другие преступления в таком порядке: нанесение ран и увечий – 77 %, кражи – 78 %, мошенничества – 66 %, убийства – 62 % и изнасилования – 61 %.

В общем можно сказать, что влияние алкоголя сильнее всего отражается на преступлениях против личности, именно на количестве причиняемых увечий и на преступлениях против собственности (воровство и разбой), но в первого рода преступлениях влияние его выступает резче, чем в последних.

При изучении влияния алкоголя на преступность Соединенного королевства Великобритании и Ирландии, по данным Форнасари ди Верче, мы наблюдаем следующие отклонения от обычных явлений:

1. С увеличением потребления алкоголя часто уменьшаются, хотя и в неправильной степени, преступления против собственности, совершаемые без насилия. Что увеличение или уменьшение потребления алкоголя не оказывает большого влияния на преступления против собственности, совершаемые без насилия, видно, между прочим, из того, что преступления эти возросли с 20 035 до 23 571 в 1847 году и с 21 545 до 23 017 в 1854 году параллельно увеличенному потреблению алкоголя. Но, с другой стороны, они уменьшились в течение 1864–1871 годов с 14 075 до 13 202 и с 12 294 до 11 265, хотя потребление за это время алкоголя заметно возросло. С другой стороны, при уменьшении потребления алкоголя означенные преступления то увеличиваются, то уменьшаются в одинаковой степени. Но при этом бывают и исключения. Так, в 1875–1876 годах эти преступления увеличились с увеличением потребления алкоголя, точно так же они увеличились и в 1877–1878 годах, хотя потребление его в этот период уменьшилось.

2. На преступления против собственности, совершаемые с насилием, потребление алкоголя не оказывает заметного влияния.

3. Преступления против собственности, совершаемые со взломом, чаще всего уменьшаются по мере увеличения потребления алкоголя. Так, с 1870 до 1875 года и с 1863 до 1865, по мере того как потребление его все более возрастало, преступления эти падали с 276 до 260 и с 519 до 238, исключая, впрочем, период 1848–1855 годов, в течение которого наравне с увеличенным потреблением алкоголя возросли и эти преступления. С другой стороны, с уменьшением потребления алкоголя данные по преступлениям и увеличиваются, и уменьшаются: так, в течение 1875–1884 годов с уменьшением количества алкоголя наблюдалось то увеличение, то уменьшение преступлений.

4. Осуждения за мошенничество и сбыт фальшивых монет уменьшаются до 1884 года по мере падения цен на вино, но после этого года они учащаются независимо от падения.

5. Преступления против личности колеблются при употреблении спиртных напитков, увеличиваясь постепенно по мере поднятия цен на алкоголь, как это наблюдалось в период с 1848 по 1857 год, но не уменьшаясь с падением цены на него, как это было в течение 1879–1889 годов.

6. Другие преступления не находятся в очевидной зависимости от потребления алкоголя, хотя в общем число тяжких и легких преступлений падает по мере его уменьшения.

Антагонизм между алкоголизмом и преступностью в цивилизованных странах. Здесь, прежде всего, нас поражает факт, что пьянство, как, например, в Новом Уэльсе и в Англии, влияние крепких напитков на преступления все более и более ослабевает. Боско доказывает, что в Соединенных Штатах только 20 % убийц оказываются пьяницами, между тем как 70 % из них – люди вовсе не пьющие.

В таблице приведено количество (в галлонах) употребляемых каждым жителем спиртных напитков (эквивалент чистого алкоголя) и число убийств на каждые 100 тысяч населения.

Страна	Спиртные напитки	Убийства
Австрия	2,80	25
Испания	2,85	74
Германия	3,08	5,7
Италия	3,40	96
Англия, Уэльс, Ирландия и Шотландия	3,57	5,6
Бельгия	4,00	18
Франция	5,10	18

Как справедливо замечает Кольяни, эти цифры объясняют нам, почему тяжкие преступления, возбуждаемые алкоголем, составлявшие в период с 1826 по 1840 год 7–11 %, упали в течение 1861–1880 годов до 5 и даже 3 % общего числа преступлений. Алкоголизм продолжает увеличиваться, но вместе с тем растет и задерживающая его влияние цивилизация, и именно в этом кроется причина уменьшения некоторых обусловливаемых им преступлений.

Прибавим, что на севере холод хотя и заставляет человека прибегать к спиртным напиткам, но он вместе с тем и ослабляет его импульсивность, уменьшая, таким образом, в общем число убийств и подобных тяжких преступлений.

6. Алкоголизм и гениальность. Я уже указал в «Гениальности и помешательстве» на то, что некоторые гениальные люди и их родители были алкоголиками (Бетховен, Байрон, Авиценна, Александр Македонский, Мюрже). На алкоголизм в данном случае следует смотреть как на потребность этих недюжинных умов в постоянных и новых возбудителях.

Алкоголизм до известной степени свойствен и целым народам (особенно северным), среди которых он тем сильнее развит, чем выше стоит их цивилизация.

7. Табак. По наблюдениям Вентури, среди преступников наблюдается более значительная пропорция (45,8 %) нюхальщиков табака не только по сравнению с нормальными людьми (14,3 %), но даже и с душевнобольными (25,88 %). Максимальные цифры среди них дают осужденные за кровавые преступления (48 %), а наименьшие – воры и мошенники (43 %).

Преступники и психически больные очень рано приучаются нюхать табак, в противоположность нормальным людям. Но, в то время как у душевнобольных привычка эта усиливается в больницах, у преступников она, наоборот, в тюрьмах большей частью пропадает.

Проститутки в Вероне и в Капуе почти все нюхают или курят табак.

Марамбо утверждает, что страсть ребенка к табаку делает его сперва ленивым, затем приучает к пьянству и преступлению. Из 603 преступных детей в возрасте от 8 до 15 лет 51 % употребляли табак до своего тюремного заключения. Из 103 молодых людей 16–20 лет пропорция употребляющих табак оказалась равной 84 %; а из 850 пожилых людей 78 % приучились употреблять табак еще до 20 лет. Из этого числа в первый раз попали в тюрьму, не достигнув 20 лет, 516 человек, то есть 57 %, между тем как у некурящих попадающих в этом возрасте в тюрьмы равна всего 17 %. Число курящих и нюхающих табак среди судившихся за бродяжничество, нищенство, воровство, мошенничество и тому подобные преступления достигает 89 %; среди осужденных за пьянство курящих насчитывается 74 %, а среди непьющих – всего 43 %. Среди первых наблюдаются рецидивисты в 79 %, а среди вторых – лишь 55 %.

Из этих цифр мы ясно убеждаемся, что между табаком и преступлением существует известная связь, идентичная со связью последнего с алкоголем, причем курьезно то, что в странах, где употребление табака наиболее значительно, наблюдается не наибольшая, а, напротив, наименьшая преступность. Явление это, впрочем, не постоянно, ибо максимальное потребление табака, как и алкоголя, имеет место у наиболее цивилизованных народов, располагающих наибольшими средствами в борьбе с вредным влиянием обоих этих ядов.

8. Морфий. Курильщики опиума отличаются, как известно, апатией и в то же время импульсивностью и склонностью к убийству и самоубийству. У морфинистов наблюдаются притупление умственных способностей, страсть ко лжи и склонность к преступлениям против нравственности и убийству. Морфинисты постепенно теряют способность противостоять своим импульсивным наклонностям, так что они становятся в этом отношении похожими на курильщиков гашиша, у которых внезапно обнаруживается склонность к преступлениям.

На что способны бывают морфинисты, лишенные возможности предаваться своей пагубной страсти к морфию, доказывают следующие примеры.

Один китаец с целью добыть денег для курения опиума играл с условием, что он будет при проигрыше вместо денег платить своими пальцами, и сам отрубал себе по пальцу всякий раз, как проигрывал.

Доктор Лэмсон, морфиноман, отравил морфием своего зятя, не понимая даже, что он совершил.

При насильственном лишении морфинистов морфия у них наблюдаются припадки бешенства и меланхолии и попытки к убийству и самоубийству, но чаще у них появляется страсть к воровству с целью добыть себе яд.

Марандон де Монтижель сообщает об одном адвокате, который, будучи лишен морфия на пароходе во время плавания, украл провизию, взломав для этого кладовую.

Одна женщина из почтенной семьи настолько страдала от лишения морфия, что, желая непременно добыть денег на покупку его, начала продавать себя.

Другая женщина, сделавшись морфинисткой, убила свою маленькую дочь и затем показала, что морфий неудержимо влек ее к кровавым преступлениям.

Некая 28-летняя истеричка, воспользовавшись чужим именем, присвоила себе мошенническим образом в одном магазине разного товара на 120 франков, но несколько дней спустя сама вернулась в тот же магазин и отдала часть взятых ею вещей, говоря, что они ей не нравятся. Оказалось, что она весь остальной товар продала, для того чтобы купить себе морфий, и что она в одну аптеку задолжала за него 1600 франков, что, собственно, и побудило ее совершить это преступление.

Глава 8

Влияние просвещения на преступность

Господствовавший еще недавно взгляд на то, что между просвещением и преступностью существует полный параллелизм, в настоящее время признан совершенно ошибочным.

Морано выяснил, что в 1878 году в Палермо из 53 преступников, совершивших преступление в школах, 34 были школьниками, а 19 – учителями школ, то есть людьми с педагогическим образованием.

По данным Курчо, в Италии один преступник приходится на 284 неграмотных и на 292 грамотных, а среди образованных преступники еще реже.

Эта ничтожная разница в пропорции преступников среди грамотных и неграмотных еще более сглаживается для некоторых известных категорий преступлений.

Среди осужденных Курчо определил $\frac{3}{7}$, получивших элементарное образование, среди преступников против нравственности $\frac{1}{2}$ и среди преступников против личности и собственности $\frac{10}{25}$, получивших некоторое образование. Среди преступников вообще процент безграмотных, по его мнению, достигает 50–75 %, а среди малолетних только 42 %, но в некоторых провинциях значительно меньше, а именно в Пьемонте – 17 %, а в Ломбардии даже 5 %.

В 1872 году на 453 неграмотных преступника приходились: 51 – умевших читать, 368 – умевших читать и писать, 401 – умевших читать, писать и считать, и только 5 – получивших более высокое образование.

Согласно наблюдению Жоли оказывается, что в департаменте Эро, в котором в 1866 году наблюдался минимум безграмотных среди новобранцев, именно 1 %, преступность населения, бывшая прежде ничтожной, в настоящее время, когда в нем появилось множество школ, возросла до высокой степени. То же следует сказать о департаментах Ду и Рона.

Напротив, минимум преступлений наблюдается в департаментах Дё-Севр и Вандея, где процент безграмотных достигает 12 %, в департаментах Вьенна – 14 %, Эндр – 24 % и в Морбиан – 35 % безграмотных.

Токвиль доказывает, что в Коннектикуте преступность возрастала, по мере того как там поднялся общий уровень образования.

В Северо-Американских Штатах максимальные цифры преступности (0,35–0,30 и 0,37 % на 1 тысячу человек) наблюдались в Вайоминге, Калифорнии, Неваде, в которых процент необразованных ничтожен (3,4–7,7 и 8,0 %), а минимальная преступность наблюдалась в Нью-Мексико (0,03 %), Каролине (0,06 %), Алабаме, Миссисипи, Джорджии, Луизиане, где процент безграмотных очень велик (65,0–55,0 %, а в трех последних – 49,1–50,9 %). Исключение составляют штаты Небраска, Айова, Мэн и Дакота, в которых пропорция преступников и безграмотных очень мала вследствие причин, о которых мы сейчас скажем.

В Англии округа Кентский, Глостерский и Миддлсекский занимают первое место по уровню образования своего населения и отличаются в то же время высокой преступностью, между тем как в округах, стоящих на низком уровне образования, как, например, в Северном Уэльсе, Эссексе и Корнуолле, преступность очень мала.

В России, по данным Эттингена, среди осужденных 25 % грамотных, между тем как пропорция грамотного населения во всем государстве вообще не выше 8 %.

«Загляните в судебные летописи, – говорит Ловернь, – и вы увидите, что наиболее упорные преступники-рецидивисты – все грамотны».

Наиболее убедительны цифры, приводимые Кохланом по Новому Южному Уэльсу: в 1880 году неграмотные составляли в нем среди честного населения 12 %, а среди нарушителей закона было: неграмотных 54,5 %, людей образованных 6,2 %, между тем как в 1891 году показатели эти выглядели так: 7, 4,1 и 7,4 %, что свидетельствует о том, что образованные люди совершают абсолютно и относительно больше преступлений, чем неграмотные.

С 1881 по 1891 год число школьников возросло со 197 412 до 252 940, а число арестованных – с 39 758 до 44 851, то есть на каждого прибавившегося школьника приходилось по одному арестованному.

В странах, где просвещение очень распространено, увеличивается процент преступников с высшим образованием, но в то же время вырастает процент неграмотных преступников, а процент преступников со средним образованием уменьшается.

В Северной Америке среди осужденных за убийство было 33 % совершенно неграмотных, 64 % умеющих читать и писать и 3 % людей с высшим образованием, между тем как среди нормальных людей процент неграмотных равен там всего 10 %.

В Австрии среди молодых людей Зальцбурга и Тироля неграмотных вовсе нет, но преступников из их числа 16–20 %.

1. Специальная преступность грамотных и неграмотных. Из всего сказанного мы можем сделать вывод: образование влияет на преступность по-разному, смотря по своему распространению. То есть, если оно еще ограничено и не достигло известной высоты, оно увеличивает число всех преступлений, кроме убийств, но когда оно достигает обширного распространения, то уменьшает количество самых тяжких преступлений, кроме преступлений против нравственности и политических.

Но влияние просвещения остается постоянным в том, что оно изменяет сам характер преступлений, делая их менее жестокими.

Файе и Лакассань пришли к следующим выводам относительно преступности во Франции:

1. Среди неграмотных преобладают главным образом детоубийства, кражи, грабежи и поджоги.

2. Среди малограмотных (едва умеющих читать и писать) встречаются преимущественно вымогательства, письменные угрозы, шантажи, грабежи и нанесения побоев и ран.

3. Люди со средним образованием чаще всего совершают такие преступления, как взяточничество, преступления против нравственности, подлоги и угрозы в письмах.

4. Наконец, среди людей с высшим образованием более всего распространены подлоги, хищения денег и документов и политические преступления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.